

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

Содержаніе:

№ 5

1924 г.

„Къ 10-лѣтію Міровой войны“ —
ст. В. Глуховца.

„Памяти генерала В. Н. Горбатовскаго“ — некрологъ А. Черныявскаго.

„Приказъ генерала Врангеля“.
„Одиночество“ — разск. Ральфа Стока.

„Добродѣтельная женщина“ —
разсказъ Клода Фаррера, переводъ В. Л.

„Правдивая исторія о земляникѣ,
Бетховенѣ и Боа-Констрикторѣ“ — разсказъ И. Долина.

„Письма купца Н. И. Шорникова къ куму своему А. Т. Рыбникову и воспоминанія послѣдняго“.

„Возвращеніе Тарзана“ — романъ
Э. Бюроуза. Перев. Э. М.

Театръ и Кино.

Мелочи. Копилка курьезовъ.
Эпиграммы.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. Tel. 25-11

Спѣшите пока не поздно заказать
объявленіе для карманнаго расписанія — движенія

ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ПОѢЗДА

Ревель — Немме.

Желающія помѣстить объявленіе благоволятъ
сообщить по слѣд. адресу: Ревель, Б. Іоаким-
стальская, 2. Телефонъ 25-11. Б. Савиновъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ РАБОТЫ КЪ ВЫСТАВКѢ

эскизы, портреты и
вывѣски на стеклѣ

ИСПОЛНЯЕТЪ

В. НЕСТЕРОВЪ,
Ревель, Больш. Татарская 4,
Цинкографія ТАЛЬВИКЪ.
Телефонъ 8-10. — Телефонъ 8-10.

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.
Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.
Объявленія: 1/1 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ — 50% дороже.
При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. **Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.**

№ 5.

Августъ 1924 г.

I годъ изданія.

Къ десятилѣтію міровой войны.

1 августа (14 іюля ст. ст.) истекло 10 лѣтъ со дня начала великой войны. Кто и что вызвали эту бойню народовъ?

Во всякомъ случаѣ—не Россія. Последняя не желала войны вообще и въ особенности ее не устраивала война въ 1914 году, такъ какъ въ 1913 году была принята Государственной Думой, такъ называемая, „большая программа вооруженій“, согласно которой къ 1915 году наша артиллерія должна была быть сильно увеличена.

1914 годъ для насъ важно было провести въ мирѣ, но это намъ не удалось.

Во Франціи, несмотря на сильно распространенную идею реванша, ясно понимали, что осуществить эту мечту ей одной не по силамъ, а ея союзница Россія изъ за этой идеи воевать не станетъ.

Такимъ образомъ ни Россія, ни Франція если не вообще, то во всякомъ случаѣ въ 1914 году воевать не собирались. Искала войны, въ цѣляхъ пріобрѣтенія новыхъ земель для избытка своего населенія и рынковъ, вооруженная къ тому времени до зубовъ Германія.

На эту авантюру Германія пошла не безъ колебаній и лишь донесеніе германскаго посла въ Лондонѣ князя Лихновскаго, что Англія сохранить нейтралитетъ, рѣшило дѣло въ отрицательномъ для мирнаго исхода смыслѣ. Слѣдовательно, предотвратить міровую войну могла только Англія, но она этаго не сдѣлала. Не сдѣлала потому, что, въ сущности, наиболѣе всѣхъ желала войны, т. к. Германія, развивъ свою фабричную и заводскую дѣятельность, обзаведясь колоніями, оборудовавъ морскія побережья и создавъ превосходный коммерческій и военный флотъ, т. е. сдѣлавшись

морской державой, являлась сильнымъ конкурентомъ могущественной и не терпящей никакихъ посягательствъ на ея жизненные интересы Океанской Имперіи.

Въ конечной побѣдѣ коалиціи,—Россіи, Англіи и Франціи,—Англійское правительство не сомнѣвалось, пострадать же отъ войны Англія, въ силу своего географическаго положенія и наличности сильнаго флота, особенно не могла, т. к. тяжесть сухопутной войны ложилась на плечи ея союзниковъ, главнымъ образомъ, Россіи.

Официальнымъ поводомъ къ войнѣ, какъ извѣстно, послужилъ австро-сербскій конфликтъ: убійство въ Сараево 15 іюня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда.

10 іюля 1914 г. въ 4 час. веч. Австрія передала Сербскому Правительству ультимативную ноту, дающую 48 часовъ для принятія ея требованій. Въ тотъ же день указомъ императора Франца Іосифа была объявлена мобилизація 8 корпусовъ, т. е. 1/2 всей арміи. 11 іюля королевичъ Александръ обратился къ Государю съ телеграммой, которая заканчивалась словами: „Австро-Венгерская армія сосредоточивается около нашей границы и можетъ насъ атаковать по истеченіи срока. Мы не можемъ защищаться. Посему молимъ Ваше Величество оказать намъ помощь возможно скорѣе. Ваше Величество дало намъ столько доказательствъ своего драгоцѣннаго благоволенія, что мы твердо надѣемся, что этотъ призывъ найдетъ откликъ въ Его Славянскомъ и Благородномъ сердцѣ. Я являюсь выразителемъ чувствъ Сербскаго народа, который въ эти трудныя времена молитъ Ваше Величество принять участіе въ судьбахъ Сербіи“.

Отвѣтъ Сербіи былъ признанъ неудовлетворительнымъ, и 15 іюля австрійскія войска открыли военныя дѣйствія. Но Сербія была не одна: 14 іюля Государь послалъ телеграмму королю Александру, въ которой завѣрилъ его, что „ни въ какомъ случаѣ Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи“. 15 іюля Австрія мобилизовала всѣ галиційскіе корпуса. Въ отвѣтъ на это, 16 іюля въ Россіи сперва была объявлена частичная мобилизація 4 военныхъ округовъ (Кіевскаго, Одесскаго, Московскаго и Казанскаго), а 18 іюля всеобщая. Германія потребовала прекращенія въ 12 час. всѣхъ военныхъ мѣропріятій, но, когда на ультиматумъ не послѣдовало отвѣта, то 19-го въ 7 ч. 10 м. пополудни германскій посоль въ Петербургѣ, графъ Пурталесъ, передалъ ноту съ объявленіемъ

войны. Черезъ 5 дней Австрія тоже объявила намъ войну.

Прочія государства тоже постепенно втягивались въ войну. Италія и Румынія присоединились къ союзникамъ въ надеждѣ на предстоящій раздѣлъ Австрійскаго наслѣдства. Выступленіе Америки и Японіи также диктовалось соображеніями матеріальнаго порядка: Америка, участвуя активно въ войнѣ менѣе года, выкачала изъ Европы все золото и стала господствовать на моряхъ своимъ коммерческимъ флотомъ, Японія же приобрѣла въ Китаѣ германскія колоніи (Кіа-Чао), въ сущности совсѣмъ не воюя.

Чтобы судить о степени участія въ войнѣ каждаго государства въ отдѣльности и о понесенныхъ потеряхъ, приводимъ цифры, говорящія сами за себя:

Издержки войны:

Государства Согласія	Размѣры издержекъ въ золотыхъ маркахъ	Центральныя Державы	Размѣры издержекъ въ золотыхъ маркахъ
Россія	86.000.000.000	Германія	140.000.000.000
Франція	107.000.000.000	Австро-Венгрія	85.000.000.000
Великобританія	9.000.000.000 фунт. ст.	Болгарія	} 25.000.000.000
Бельгія	28.000.000.000	Турція	
Соед. Штаты	72.000.000.000		
Италія	34.000.000.000		

Потери въ людскомъ составѣ:

Государства Согласія:

Названіе государства	Число убитыхъ	Число раненыхъ	Число плѣнныхъ	Общія потери арміи
Россія	3.000.000	5.700.000	2.550.000	11.250.000
Франція	1.368.535	2.800.000	504.000	4.672.535
Великобританія	689.246	1.700.965	335.000	2.725.211
Бельгія	100.000	150.000	70.000	320.000
Соединенные Штаты	75.000	150.000	23.000	148.000
Италія	500.000	800.000	500.000	1.800.000
Румынія	100.000	200.000	240.000	540.000
Сербія и Черногорія	40.000	152.000	200.000	392.000
Греція	4.000	10.000	16.000	30.000
Португалія	3.000	7.000	10.000	20.000
Японія	1.000	1.000	—	2.000
Итого	5.880.781	11.570.965	4.448.000	21.899.746

Центральныя Державы :

Названіе государства	Число убитыхъ	Число раненыхъ	Число плѣнныхъ	Общая потеря арміи
Германія	1.980.000	4.510.000	1.000.000	7.490.000
Австро-Венгрія	1.440.000	1.980.000	1.800.000	5.220.000
Болгарія	96.000	198.000	150.000	444.000
Турція	550.000	891.360	479.640	1.921.000
Итого .	4.066.000	7.579.360	3.429.640	15.075.000

Уменьшеніе богатствъ воюющихъ государствъ:

Названіе государствъ	Размѣръ госуд. богатствъ (въ миллиардахъ зол. марокъ) въ 1914 г.	Тоже въ 1919 г.	Уменьшеніе богатствъ (въ миллиардахъ зол. марокъ).
Россія	250	100	150
Франція	260	180	80
Великобританія	325	270	50
Соединенныя Штаты	850	1200	Увеличеніе на 350 милліард. зол. марокъ
Италія	100	80	20
Германія	375	250	125
Австро-Венгрія	170	100	70

Приведенныя данныя наглядно подтверждаютъ ту истину, что сухопутную войну Россія вынесла, почти исключительно, на своихъ плечахъ. Россія приняла главный сокрушительный ударъ самыхъ отборныхъ соединенныхъ австро-германскихъ войскъ, объ ея мощь и стойкость разбитыя эти гигантскія живыя и техническія силы, результаты приготовленій нѣсколькихъ десятилѣтій.

Россія побѣдила въ эту войну, но плодами не воспользовалась, такъ какъ она накануне официальной побѣды вышла изъ строя, вслѣдствіе предательства и излишней нервозности части нашихъ, такъ называемыхъ, общественныхъ круговъ и петроградской интеллигенціи. Мы никого не можемъ винить въ этомъ, кромѣ самихъ себя.

Царь и правительство, договорами обезпечившіе странѣ вознагражденіе, соотвѣтствующее принесеннымъ жертвамъ, были

устранены и общественные круги взяли управленіе страной и окончаніе войны въ свои руки. Исторія не знаетъ болѣе преступной, передъ Родиной, болѣе бездарной и глупой власти, какъ пришедшая на смѣну царской.

Глушцовъ презираютъ и съ ними не считаются, часть этого презрѣнія со стороны другихъ народовъ падаетъ на насъ всѣхъ русскихъ, даже тѣхъ, которые на алтарь отечества принесли здоровье, имущество, семьи и родной кровь.

Однако, несмотря на истекшія десятилѣтья, не будетъ парадоксомъ признать, что мировая борьба еще продолжается. Европа и до сихъ поръ напоминаетъ собой вулканъ. Установленіе мира немислимо безъ участія Россіи.

Россія еще скажетъ свое послѣднее слово, но только — Россія Національная.

В. Глуховцевъ.

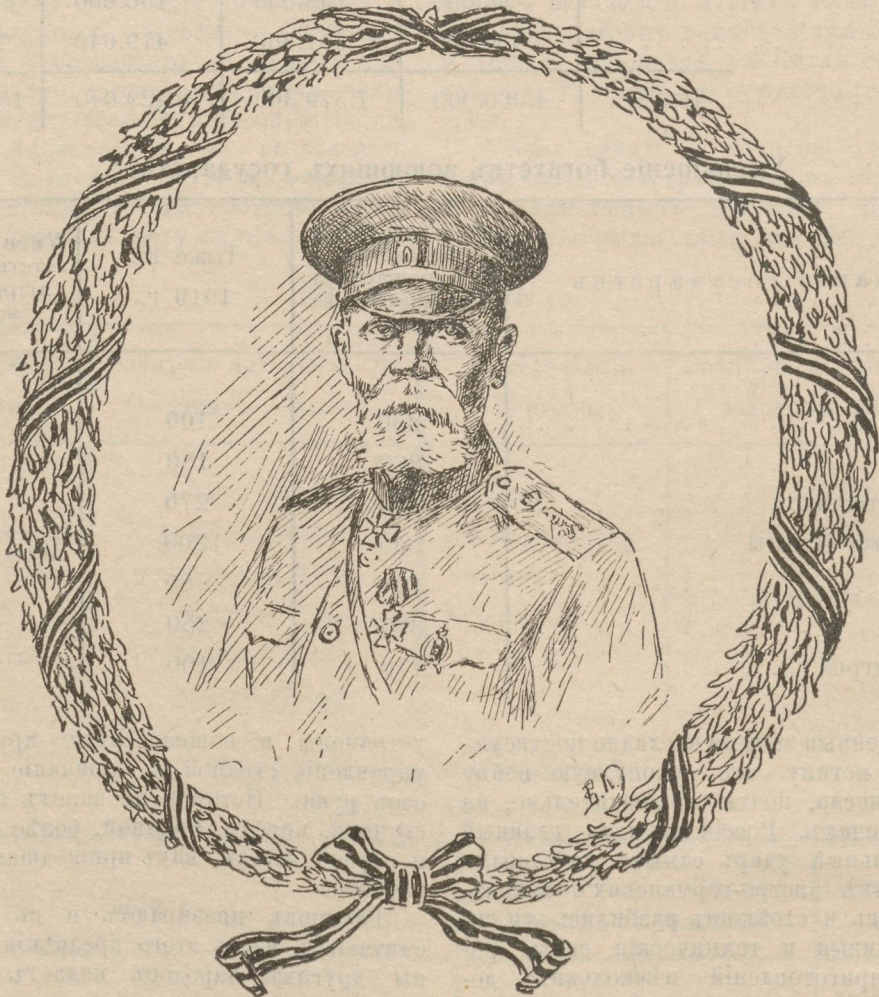
† Памяти Генерала В. Н. Горбатовскаго.

3 августа Русскій Ревель хоронилъ одного изъ доблестнѣйшихъ своихъ генераловъ Владиміра Николаевича Горбатовскаго, защитника Риги и Петрограда.

Родившійся 26 мая 1851 года покойный генералъ свѣше полувѣка прослу-

валъ, командуя ротой, въ русско-турецкой войнѣ, при чемъ за боевыя отличія былъ награжденъ орденами Анны III и Станислава II степеней съ мечами.

Русско-Японская война 1904/5 года застала В. Н. Горбатовскаго въ должности командира 1-ой бригады 7-ой Во-

† Генераль-отъ-инфантеріи В. Н. Горбатовскій.

жилъ отечеству, участвуя во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія съ 70-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

По окончаніи 2-го Петербургскаго кадетскаго корпуса, Владиміръ Николаевичъ поступилъ въ Павловское Военное училище, откуда былъ выпущенъ въ 1870 году подпоручикомъ въ 5-ый гренадерскій Кіевскій полкъ. Съ этимъ полкомъ В. Н. Горбатовскій участво-

сточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. Въмѣстѣ съ незабвеннымъ генераломъ Кондратенко онъ былъ душою обороны Портъ-Артура, руководя защитою одного изъ самыхъ трудныхъ участковъ крѣпости, за что и былъ награжденъ орденомъ храбрыхъ, бѣлымъ крестомъ Св. великомученика Георгія 4-ой степени.

Послѣ войны В. Н. Горбатовскій былъ 4 года начальникомъ Московскаго

Алексѣевского военного училища и затѣмъ начальникомъ 3 гренадерской дивизіи. Здѣсь въ полной мѣрѣ выявились его качества начальника, сумѣвшего воспитать, въ первомъ случаѣ, будущихъ офицеровъ и, во второмъ, — вѣренную ему часть въ духѣ лучшихъ традицій Императорской Русской Арміи.

Съ началомъ міровой войны генералъ Горбатовскій, въ должности командира 19 армейскаго корпуса, принялъ участіе въ Великой Галиційской битвѣ, длившейся 21 день, проявивъ качества опытнаго, искуснаго и твердаго полководца. На поляхъ битвы этой войны онъ заслужилъ чинъ генерала отъ инфантеріи, георгиевское оружіе, ордена Св. Георгія 3 степени, Владимира 2-ой и Александра Невскаго, всѣ съ мечами.

Въ 1915 году, въ самый трудный моментъ войны, когда нѣмцы усиленно

тѣснили насъ, В. Н., какъ одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ, былъ назначенъ командующимъ сперва XII-ой арміей, защищавшей г. Ригу, а затѣмъ VI-ой, оборонявшей подступы къ Петрограду.

Не признавъ и не пріявъ революціоннаго переворота, генералъ Горбатовскій уже въ изгнаніи былъ однимъ изъ первыхъ, кто снова поднялъ идейное знамя за Вѣру, Царя и Отечество.

Обояніе его чистой личности, свѣтлаго ума и добраго, отзывчиваго сердца сдѣлало его вождемъ и руководителемъ національной части русской колоніи. Онъ сильно скорбѣлъ о несчастіяхъ Родины и вѣрилъ въ ея возрожденіе, но до этого ему не удалось дожить.

Спи же спокойно, незабвенный вождь, и пусть братская земля, пріявшая твой прахъ, будетъ для тебя пухомъ.

Александръ Чернявскій.

Приказъ генерала Врангеля.

По случаю исполнившагося десятилѣтія со дня вступленія Россіи въ Великую войну, главнокомандующій Русской арміей генералъ Врангель издалъ слѣдующій приказъ:

„Десять лѣтъ тому назадъ Россія поднялась на защиту братской Сербіи. Подъ верховнымъ водительствою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича російскія войска побѣдно двинулись впередъ. Побѣды впили новые лавры въ вѣнокъ російской славы.

И когда послѣ года войны, не разъ самоотверженно спасая своихъ союзниковъ, войска, истекая кровью, отошли въ родные предѣлы, ихъ духъ остался непоколебленъ.

Еще два года борьбы съ перемѣннымъ успѣхомъ, борьбы, равной которой не знаетъ міръ, не сломили мощи русскихъ богатырей.

Ее сломила возникшая въ государствѣ смута. Свергнуть былъ царь, и вырвано

изъ рукъ верховнаго главнокомандующаго русское знамя. Схватившіе его, вырвали изъ слабыхъ рукъ. Лишенная вождя разбѣжалась армія. Обезумѣлъ народъ. Кровь и слезы залили Россію.

Но среди малодушія, трусости и предательства горсть русскихъ воиновъ подняла изъ праха народное знамя. Сплотивъ вокругъ него тѣхъ, въ комъ не угасла любовь къ Родинѣ, они несли его три года сквозь смерть и страданія, незапятнаннымъ сохранили на чужбинѣ и нынѣ вернули тому, изъ рукъ котораго оно было вырвано семь лѣтъ тому назадъ.

Исполнивъ долгъ, мы ждемъ обѣщаннаго имъ призыва: не предрѣшая будущихъ судебъ Россіи, отдать ей наши силы на новый бранный подвигъ, или на охрану мирнаго строительства родной земли“.

ОДИНОЧЕСТВО.

Разказъ Ральфа Стока.

МОЖЕТЪ быть, подумаютъ, что я сумасшедшій? Это невѣрно: я совсѣмъ, совсѣмъ здоровъ. Только, правда, одиночество вещь опасная, и когда человѣкъ долго живетъ одинъ, съ нимъ начинаютъ случаться странныя вещи.

„Нехорошо быть человѣку одному“. Я часто слыхалъ это въ дѣтствѣ, въ тѣ дни, когда пасъ лошадиные табуны на западныхъ долинахъ. Но теперь я знаю еще другое: что, если такой человѣкъ, какъ я, паря, долго прожилъ одинъ одиначенекъ и свыкся со странностями глуши, для него можетъ быть еще нѣчто худшее, а именно — общество другого человѣка.

Человѣкъ одинокій заводитъ свои привычки, и одиночество накладываетъ на него цѣпи. Не знаю, насколько сильно сковали меня цѣпи одиночества, когда въ мою жизнь вошелъ другой. Тогда я жилъ въ Кипарисовыхъ горахъ, присматривая за телятами и стадомъ слабаго скота. Съ трехъ сторонъ отъ меня поднимались занесенныя снѣгомъ скалы; съ четвертой былъ спускъ къ долинь, которая уходила къ бѣлому горизонту.

Не первую зиму проводилъ я такимъ образомъ и безъ страха ждалъ новаго шестимѣсячнаго пребыванія среди снѣговъ; заготовилъ достаточно провизіи для себя, достаточно сѣна для телятъ. Мой длинный большой домъ-сарай могъ служить образцомъ чистоты и аккуратности. Для каждаго котла, для каждой сковороды и кастрюли имѣлся свой гвоздь; каждая вещь предназначалась для того или другого.

И вотъ явился „онъ“. Сначала на ослѣпительномъ снѣжномъ коврѣ зачернѣла точка, потомъ вырисовался рѣзкій силуэтъ лошади и всадника, и, наконецъ, я увидѣлъ человѣка съ нѣжными щеками, съ блестящими зубами и съ темными курчавыми волосами.

Вечеромъ мы сидѣли подлѣ ревѣвшей жаркой переносной печки, и онъ говорилъ:

— Я не могъ вынести сидячей конторской жизни. Я не рожденъ для нея; она искусственная; она меня душила; я хочу суще-

ствованія, достойнаго мужчины. Не думайте, что я буду жить на вашъ счетъ; нѣтъ, я готовъ работать, сколько вы захотите.

И правда, онъ работалъ. Вставали мы до зари и при свѣтѣ фонарей задавали телятамъ сѣно, по цѣлымъ часамъ качали воду; онѣмѣвшими отъ холода пальцами сѣдлали лошадей, что бы провонять стада; скакали за скотомъ, когда животныя, кидаясь отъ метели, ломали изгороди, которыя могли остановить ихъ, и гнали стадо домой по ослѣпительно бѣлому снѣгу. И онъ всегда, всегда оставался веселъ.

Неправда ли, мнѣ слѣдовало любить его, но самъ не понимаю почему, я мало-по-малу началъ чувствовать къ нему отвращеніе. Не думайте только, что я сумасшедшій; это было опредѣлено судьбой.

Онъ постоянно забывалъ вѣшать на два гвоздя мокрое кухонное полотенце, и мнѣ пришлось пять разъ повторить ему, что это необходимо; на пятый разъ онъ послушался, но засмѣялся легкимъ снисходительнымъ смѣшкомъ, и моя кровь такъ и закипѣла. Даже его манера вѣшать на гвоздь свою шляпу раздражала меня...

Но довольно, довольно, вы, пожалуй, скажете, что я былъ сумасшедшій. Между тѣмъ это неправда.

— А знаете, вы громко разговариваете съ собой?—сказалъ онъ однажды вечеромъ.

— Ну, такъ что же?—рѣзко бросилъ ему я и почувствовалъ, что моя нижняя губа такъ и прыгаетъ отъ раздраженія.

— Да ничего,—произнесъ онъ съ приторнымъ равнодушіемъ,—мнѣ просто хотѣлось предупредить васъ объ этомъ, предупредить для вашего же блага.

Я готовъ былъ наговорить ему Богъ знаетъ чего, но сдержался и только замѣтилъ:

— Мнѣ кажется намъ съ вами лучше не указывать другъ другу на наши недостатки.

Въ то время мы вытирали вымытую посуду, и, вѣроятно, что-то въ моемъ голосѣ поразило его: онъ опустил руку на столъ и пристально взглянулъ на меня.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ онъ, и я въ первый разъ по его глазамъ замѣтилъ, что онъ ненавидитъ меня не меньше, чѣмъ я его. Это не воображеніе; я увѣренъ, что въ его глазахъ прочель ненависть. Мнѣ стало смѣшно, смѣшно до того, что захотѣлось громко расхохотаться. Въ бревенчатомъ сараѣ жили мы вдвоемъ за пятьдесятъ миль отъ всякаго жилья и ненавидѣли другъ друга!

— Я хочу сказать,—объяснилъ ему я,— что ни одинъ изъ насъ не совершенство, и что, если мы примемся указывать другъ другу наши недостатки, дѣло, пожалуй, дойдетъ до ссоры, совершенно нелѣпой при нашемъ положеніи.

— Не понимаю, почему мы можемъ поссориться,—сказалъ онъ спокойно. (Только я хитрый; я не повѣрилъ его спокойствію: я видѣлъ его насквозь). Вамъ это принесло бы безконечно большую пользу. Вы такъ долго жили наединѣ съ собой, что превратились въ машину. Если я не повѣшу кухоннаго полотенца на два гвоздя, вы разстраиваетесь на цѣлую недѣлю. Вѣдь это же нелѣпое ребячество! Вы вошли въ глубокія колеи и, если кто-нибудь не вытащитъ васъ изъ нихъ, вы сдѣлаетесь нестерпимы. Оживитесь. Для перемѣны швырните-ка кухонное полотенце въ уголъ. Подайте на столъ консервы изъ томатовъ, вмѣсто субботы, въ понедѣльникъ. Хоть одинъ разъ забудьте сдѣлать себѣ постель, ну просто изъ желанія показать, что вы человѣкъ...

Богъ знаетъ, чего бы еще не наболталъ онъ, если бы я въ эту самую минуту не замѣтилъ, что онъ вѣшаетъ сковороду на гвоздь, предназначенный для кастрюли.

— Вы повѣсили сковороду на гвоздь для кастрюли,—произнесъ я такъ спокойно, что и самъ удивился.

А онъ захохоталъ, прямо залился смѣхомъ, держась за бока. Онъ смѣялся; я же стоялъ надъ нимъ, дрожа отъ бѣшенства.

— Боже милостивый,—пробормоталъ онъ,—я первый разъ смѣюсь такъ за три мѣсяца. Развѣ вы не видите, что именно объ этомъ-то я и говорилъ?

— Вы повѣсили сковороду на гвоздь для кастрюли,—размѣренно проговорилъ я,—пожалуйста, помѣстите ее на мѣсто. Вы сдѣлали это, чтобы разсердить меня, и разсердили.

— Не стану перевѣшивать, — смѣясь, отвѣтилъ онъ.—Сковорода, висящая на мѣстѣ кастрюли, внесетъ свѣжую ноту въ пейзажъ.

— Вы въ моемъ домѣ,—проговорилъ я.—Вы перевѣсите сковороду?

— Нѣтъ. Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что если вы не сдѣлаете этого по своей волѣ, я заставлю васъ помѣстить ее, куда слѣдуетъ,—сказалъ я и слышалъ, что невольно скрипнулъ зубами.

— Что съ вами? Вы сходите съ ума!

— Я не знаю.

— А я вижу это. Неужели въ васъ нѣтъ ни капли чувства юмора? Неужели вы не понимаете, что все это смѣшная шутка, неужели...

— Вы перевѣсите сковороду?

— Нѣтъ.

Онъ стоялъ передо мной; я подошелъ къ нему. Онъ былъ выше меня, и я съ трудомъ загналъ его въ уголъ. Онъ защищался, но когда я приперъ его къ стѣнѣ, снова захохоталъ... Подумайте, онъ смѣялся, чувствуя, что мои пальцы давятъ его шею.

— Довольно, безумецъ,—задыхаясь, закричалъ онъ,— Вѣдь я, все равно, не перевѣшу сковороды.

Въ глазахъ у меня покраснѣло, и я нѣсколько разъ ударилъ его голову объ стѣну.

— Хоть убейте, не перевѣшу,—совсѣмъ слабо прозвучалъ его голосъ. Не знаю, впрочемъ, самъ ли онъ сказалъ это, или говорила его отлетающая душа. Голосъ звучалъ совсѣмъ слабо.

Какъ упрямъ былъ этотъ человѣкъ! Последнія слова, которыя я отъ него услышалъ, были: „хоть убейте меня, не перевѣшу“... Потомъ онъ выскользнулъ изъ моихъ рукъ и упалъ на полъ...

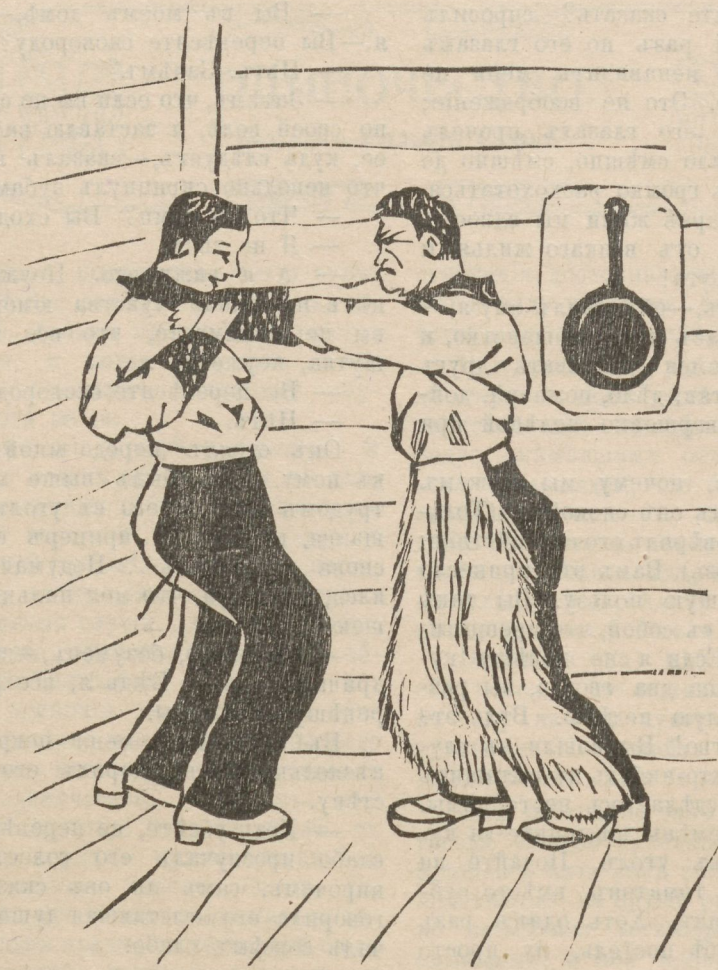
Я вышелъ на снѣгъ. Термометръ показывалъ сорокъ градусовъ ниже нуля, и потъ замерзалъ у меня на лбу.

Откуда-то изъ бѣлой тишины донесся вой койота; другой ему отвѣтилъ, и эти слабые звуки внезапно вернули меня къ дѣйствительности. Что же, собственно, я сдѣлалъ?

Черезъ нѣсколько минутъ я отлично понималъ „что“.

Почва промерзла на цѣлый футъ. Ломъ и кирка не слушались меня, поэтому я похоронилъ его въ снѣгу. Я вернулся, повѣсилъ сковороду на мѣсто, легъ въ постель, и съ головой закутался въ одѣяло. Мнѣ было очень холодно.

Я зналъ, что необходимо обдумать многое, но у меня въ мозгу вертѣлись только двѣ мысли. Міръ пришелъ въ порядокъ.

Я снова одинъ, совсѣмъ одинъ, сковорода на мѣстѣ.

Я пролежалъ безъ сна часа три, можетъ быть, четыре. Вдугъ, чувствуя, что не сплю, не грежу, я черезъ четыре одѣяла услышалъ звонъ металла о дерево. Мнѣ стало страшно; кровь моя оледѣла. Въ то же мгновеніе я понялъ, что именно случилось, понялъ такъ ясно, точно видѣлъ все собственными глазами, но заставить себя взглянуть изъ-подъ одѣялъ, покрывавшихъ меня съ головой, не могъ.

Такъ я лежалъ, ожидая, чтобы будильникъ на полкѣ рядомъ съ печкой прозвонилъ, указывая на время начинать работу. Онъ не звонилъ.

Впервые за пять лѣтъ я забылъ завести его! Наконецъ, я увидѣлъ солнечный свѣтъ на стѣнѣ, и мысль о моей забывчивости такъ взбѣсила меня, что я сразу сбросилъ съ себя всѣ одѣяла, сѣлъ

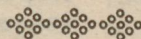
на постели и обвелъ глазами комнату, останавливаясь взглядомъ поочередно на каждой вещи; однако, я съ трудомъ заставилъ себя посмотрѣть на „то“ мѣсто, а все-таки посмотрѣлъ.

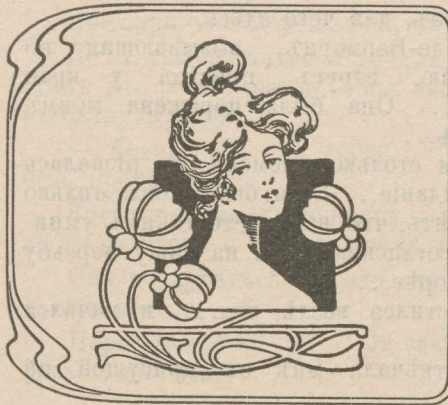
Сковорода висѣла на гвоздѣ для кастрюли.

— Вы скажете, что я самъ безсознательно перевѣсилъ ее? Не правда, я знаю, кто это сдѣлалъ.

Я вышелъ изъ дома. „Его“ тѣло исчезло. Куда дѣвалось оно? Волки ли утащили трупъ, или... Но все равно. Я не сомнѣвался, кто повѣсилъ сковороду на другое мѣсто. Упрямый, упрямый человекъ!

Голова моя разрывается отъ боли, кто-то сидитъ въ ней и колотитъ мой мозгъ молоткомъ! Но это скоро пройдетъ. Въ общемъ, вѣдь, я здоровъ, и мнѣ не грозитъ безуміе...

Добродѣтельная женщина.

(Изъ послѣднихъ разсказовъ Клода
Фаррера).

Добродѣтельныя женщины. О, онѣ существуютъ. И я встрѣтилъ одну такую въ Гваделупѣ. Всю жизнь, сколько бы я не прожилъ, эту неприступную добродѣтель я буду помнить.

Это была г-жа де-Верморнъ, креолка старой французской крови, съ немного бронзовымъ отбѣнкомъ кожи, но настолько незначительнымъ, что это не бросалось въ глаза. Въ Гваделупѣ, гдѣ черная раса преобладаетъ, она считалась совершенно бѣлой, даже въ обществѣ иностранцевъ, къ которому принадлежалъ и я.

Она была необыкновенно хороша — эта женщина съ пепельно-свѣтлыми волосами, чудесными глазами, съ изящной стройной фигурой.

О, какъ охотно я готовъ былъ пожертвовать чѣмъ угодно, лишь бы она принадлежала мнѣ: ея тонкій станъ сводилъ меня съ ума.

Г-жа де-Верморнъ носила всегда старинный корсетъ и платья, нѣсколько напоминавшія эпоху кринолина. Она почему-то пренебрегала модой. Ея бедра, ея ноги совершенно исчезали въ широкихъ складкахъ волнистой ткани. Но станъ ея былъ такъ очарователенъ, что ее можно было сравнить только съ русалкой, появившейся надъ пѣнистымъ гребнемъ волны... И я трепеталъ при мысли, какое прелестное тѣло должно скрываться подъ облекавшей ее душистой массой кружевъ...

Скверно было только вотъ-что: г-жа де-Верморнъ казалась отчаянной кокеткой. Десятки поклонниковъ безрезультатно увивались за нею и она, несколько не сердясь на этихъ господъ за ихъ иногда очень прозрачные намеки и попытки, всячески разжигала ихъ и такимъ образомъ вокругъ нея атмосфера всегда была насыщена пламенной страстью...

Первое наблюдение за нею дало мнѣ увѣренность, что у нея не менѣе пяти или шести любовниковъ; затѣмъ я долженъ былъ отъ такого мнѣнія отказаться... Но все же я оставался въ убѣжденіи, что одинъ любовникъ у нея есть и что этотъ счастливчикъ — маленькій Брева, лейтенантъ флота, превосходный игрокъ въ лунъ-теннисъ. Это убѣждение возникло во мнѣ въ теченіи одной игры, которую взялъ Брева. Я, какъ и г-жа де-Верморнъ, наблюдалъ за игрой. Въ тѣ моменты, когда молодой офицеръ съ обнаженными руками и шеей граціозно продѣлывалъ чудеса ловкости, я подмѣтилъ ея взглядъ, остановившійся на немъ, молниеносный голодный взглядъ собаки, готовой броситься на дразнящій ее кусокъ мяса. Въ значеніи этаго взгляда ошибиться было невозможно...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого случая я цинически поздравилъ Брева...

Къ моему удивленію онъ нисколько не обидѣлся...

— А, и вы также считаете меня ея любовникомъ, — иронически улыбнулся онъ. — Мой милый, мнѣ очень жаль, что я огорчу васъ... Вы тридцатый въ группѣ, высказавшихъ мнѣ это предположеніе, и васъ, какъ и всѣхъ тѣхъ, я вынужденъ разочаровать...

— То есть?..

— Порядочность должна была бы заставить меня держать языкъ за зубами... Но эта проклятая женщина, сто разъ, по крайней мѣрѣ, обманувшая мои ожиданія, — не имѣетъ права рассчитывать на мою скромность... Это — какой-то дьяволъ... Это — женщина, живущая въ огнѣ никогда неудовлетворяемой страсти... И какъ она только не сторитъ. Не попадайтесь ей въ лапы, иначе самыя страшныя муки ада

покажутся вамъ пустяками въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя вы испытаете... Это—въ полномъ смыслѣ добродѣтельная женщина...

Я ушелъ разочарованный... Брева не лгаль—это очевидно... Но кто-же въ такомъ случаѣ—она?... А этотъ взглядъ, полный безумнаго желанія во время тенниса? Что же это?...

Наконецъ, я добился у г-жи де-Верморнъ свиданія. О, ничего предосудительнаго... Она просто согласилась пройтись со мной на заходѣ солнца въ лѣсъ...

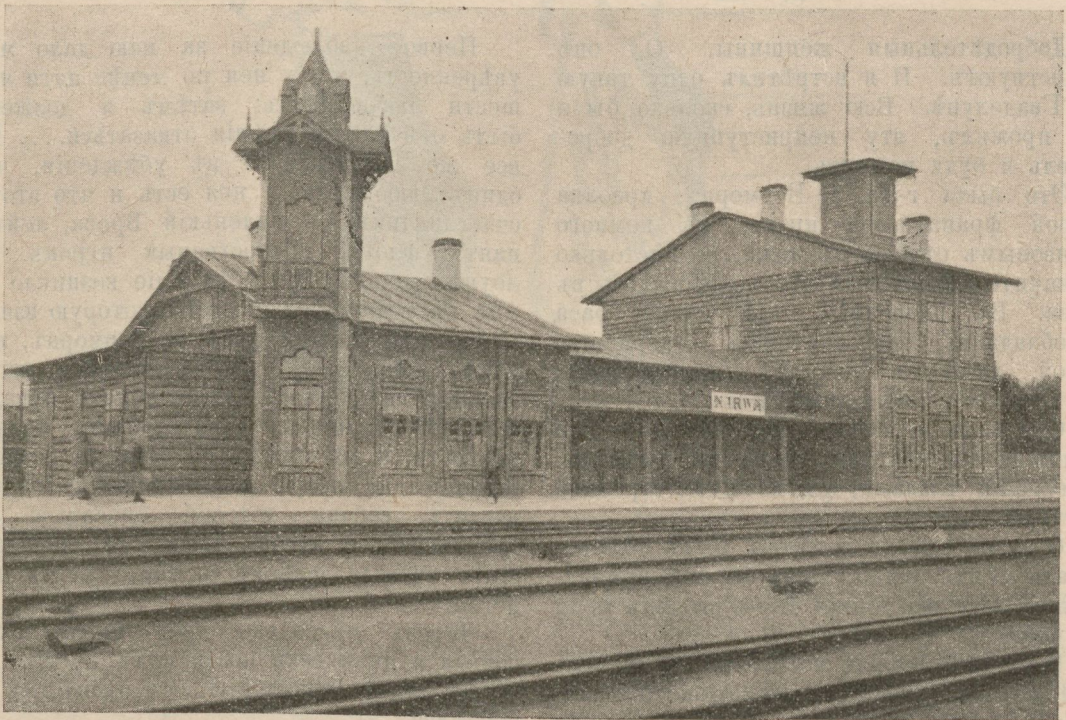
Я забылъ, для чего здѣсь...

Г-жа де-Верморнъ, вызывающая но обыкновенію, вдругъ присѣла у края тропинки... Она была поражена моимъ молчаніемъ...

— И я столько времени не рѣшалась на это свиданіе... Если бы я могла только предположить, что вы будете такимъ умникомъ,—я согласилась бы на вашу порсбю гораздо скорѣе...

Я опустилсѣ возлѣ нея... и начался флиртъ...

Она отвѣчала мнѣ съ присущей ей

Станція Нарва.

Мы шли по опушкѣ въ тѣни, испещренной солнечными бликами розоваго тона... Папоротникъ росъ по краю тропинки среди густой травы... Вокругъ насъ бурлило странное смѣшеніе растительности царства тропиковъ и умѣреннаго пояса... Я молчалъ, забывъ обо всемъ, подавленный рокошью зелени, величавой тишиной лѣса, его нѣмымъ, но живымъ и мощнымъ легиономъ стволовъ, тѣнистой ихъ листвою вверху, похожей на купола церквей, всей этой зеленой сырой глубиной,—безконечной, непостижимой и прекрасной, таящей въ себѣ, однако, гнѣздилища желтой лихорадки, волчанки, проказы и другихъ невѣдомыхъ и страшныхъ болѣзней...

манящей граціей. Мои двусмысленности нисколько ее не смущали... Наоборотъ, она ихъ вызывала... Какъ бабочка на огонь, она всемо своимъ существомъ стремилась на встрѣчу моимъ желаніямъ.

Солнце сѣло и почти мгновенно наступила тропическая ночь... Вокругъ—пустыня. Я сталъ рѣшительнѣе. Она оставила въ моихъ рукахъ свои нѣжныя ароматныя ручки и не противилась, когда мои губы жадно скользнули по этимъ очаровательнымъ ручкамъ подъ широкими рукавами вверху вплоть до плечъ... На этотъ разъ на ней была блузка изъ тонкаго полотна и какъ всегда широкая юбка, въ волнистыхъ кружевахъ...

Поцѣлуй мои перешли на затылокъ...

Но когда я жадно схватилъ ея тонкій станъ въ свои объятія,—она вдругъ рѣзко оттолкнула меня...

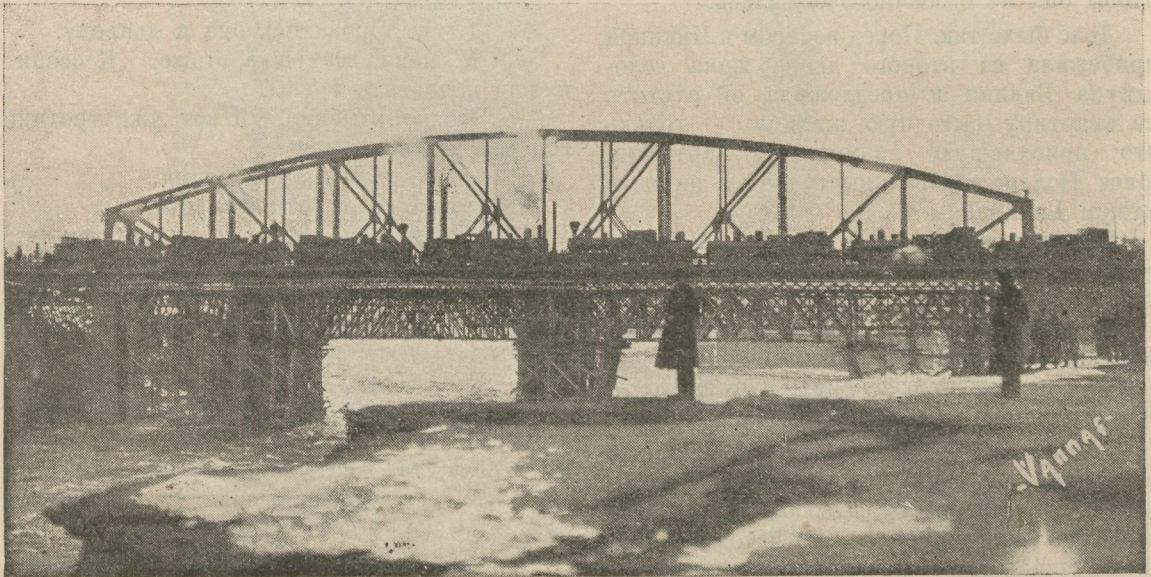
— Довольно!.. Я добра... но всему есть предѣлъ!..

Когда я обнимаю женщину,—мое правило не выпускать ее изъ моихъ объятій...

Она возмущилась гораздо сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ...

Перестаните-ли вы? Я сказала вамъ уже... довольно!..

Я рванулъ ея юбку, и моя рука ощутила, случайно, ея кожу выше колѣна... О, Боже мой, какъ описать то, что я почувствовалъ при этомъ прикосновеніи. Во мнѣ какъ бы разрядился сильный электрическій токъ, потрясшій все мое существо... Нѣтъ... Я схватилъ рукой разложившійся трупъ... Нѣтъ... Я погрузилъ свою руку въ пѣты, и коснулся холодныхъ колець отвратительной змѣи... Нѣтъ... Чѣмъ же было тѣло этой женщины... Это было что-то неизвѣстное, ужасающее... бугорчатое желѣзо, одновременно клейкое и ледяное и

Новый Нарвскій мостъ.

Въ любви часто бываетъ такъ, что „не хочу“ значитъ „хочу“... Я приблизилъ свое лицо къ ея лицу... Она закусилла губы и быстро опустила глаза, .. но не на столько быстро, чтобы я не уловилъ ея взгляда... Это былъ взглядъ, когда-то брошенный на Брева, взглядъ жаднаго желанія... Этаго взгляда было для меня достаточно.

Я грубо бросилъ ее на землю... Но она успѣла ударить меня по лицу, ударить такъ, что я почувствовалъ боль...

Тогда во мнѣ проснулся звѣрь...

при томъ трепещущее... Безконечный ужасъ...

Потрясенный, однимъ прыжкомъ я вскопчилъ на ноги...

На землѣ билась, какъ въ агоніи, г-жа де-Верморнъ... Сквозь ея судорожныя рыданія, жалкія и злобныя, до меня донеслась захлебывающаяся мольба:—

— О, не говорите!.. никому... не говорите... умоляю васъ, что у меня... проказа...

Переводъ В. Л.

Слѣдующій номеръ журнала „Эмигрантъ“ выйдетъ 1 сентября и въ дальнѣйшемъ журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ—1 и 15 числа.

Правдивая история о землянике, Бетховене и Боа-Констрикторе.

Рассказ И. Долина*).

Эмма Карловна Шниц и Павла Петровна Чикина считали себя причастными к артистическому миру и не без основания. У первой — проживал на квартире виолончелист Урчалович, вторая — стирала на балерину Носкову.

Надо признаться, что артистическое самолюбие гражданки Чикиной несколько страдало вплоть до вчерашнего дня, когда явилась возможность натянуть немке нос, чтобы она не особенно забывалась.

Дело было так. Перед вечером к Чикиной прибежала со второго двора жена солоклоуна Бякина и предложила ей пустить на квартиру выгодную жилицу, — только что приехавшую знаменитую артистку Мисс Нелли, которая выступает в цирке с мужем Бякиной.

Вечером отправились в цирк, по контромарке, знакомиться с знаменитой артисткой.

Усадив Павлу Петровну повыше, сама Бякина скрылась в клоунском святилище, так как не особенно доверяла устойчивости супруга перед закулисными соблазнами.

Два отделения млела Чикина до испарины от чрезмерной дозы эстетических наслаждений. В особенности ее воображение было поражено красавицей в золотистом чашуйчатом трико, танцовавшей вальс с огромной живой змеей.

Перед пантомимой пришла жена клоуна и повела Чикину в коридор знакомить с будущей жилицей. В скромно одетой, веснушчатой девушке Павла Петровна не узнала красавицы в чешуйчатом трико.

О цене столковались с двух слов. Артистка дала задаток и обещала завтра утром обязательно переехать.

Ночью Чикиной снились змеи.

Утром артистка действительно переехала, привезла с собою две корзины багажа, наскоро напилась чаю и убежала на репетицию.

Добросовестная хозяйка после ее ухода открыла в комнате жилицы дверь и окна с намерением искоренить застарелый запах кислой капусты, который, неизвестно почему, не понравился знаменитости.

Исполнив свой долг по отношению к ближнему, Павла Петровна затопила

плиту, а так как плита сильно дымила, Чикина вышла подышать воздухом на черную лестницу, да уж кстати и похвастаться перед заносчивой немкой своим ценным приобретением.

Этажем ниже, из квартиры Эммы Карловны, также валили клубы дыма, хотя и несколько пожиже.

Произошел стереотипный, давно канонизованный, обмен мнений.

— Дымит?

— Дымит, провались она к дьяволу.

— У меня, матушка, тоже. К осени нужно почистить трубы.

— Это непременно. Я вот уже третий год собраться не могу.

— А я четвертый, моя милая.

Протерли глаза, откашлялись.

Из открытой двери в кухню немки, вместе с клубами дыма, плыли глухие, урчащие звуки, как из неопрятного желудка. Это послужило темой для дальнейшей беседы.

— Всё пилит? — спросила Чикина.

— Пилит, моя милая. Известно, артистическая жизнь. В концерте он сегодня выступает, так для моциона рук.

— А мне судьба послала не пилящую. Артистка ко мне сегодня переехала, — знаменитейшая! Мисс Нелли прозывается. В цирке выступает.

Чикина победоносно посмотрела на соперницу.

— Поздравляю вас, — скривила рот Эмма Карловна. — Танцует?

— Нет... больше так!.. — красноречиво пояснила счастливица.

Разбитная, молоденькая бабенка, обходя квартиры, предлагала крупную, аппетитную клубнику-Викторию.

— Возьмите последочки, золотые мои. Почти задаром.

Павла Петровна вспомнила про задаток и, гордая своей победой над немкой, решила полакомить себя Викторией.

Чикина поставила блюдо с Викторией на стол в своей маленькой столовой, которая с этого дня приобрела еще новое назначение — спальни, и пошла в кухню кипятить молоко.

*) Оригинал — из советской России, по новой орфографии.

Станція Коппельскаго трамвая.

Рассеившиеся было несколько клубы дыма, в результате этой операции, снова сгустились. Павла Петровна открыла дверь на цепочку, предоставив дыму выбираться в образовавшуюся щель, а сама поспешила к ожидавшему ее удовольствию. Боясь расплескать молоко, она сосредоточила все свое внимание на кастрюльке и тихонько подвигалась к столу.

Короткий отрывистый шип заставил хозяйку поднять глаза.

То, что увидела Чикина, никак не могло уложиться в рамки ее повседневных, привычных восприятий.

Перед блюдом с клубникой, закрутившись гигантским штопором, мерно покачивалась саженная, красновато-серая змея, испещренная самыми фантастическими арабесками. Вытянув свою плоскую, сплюсненную головку, с маленькими злыми глазками, над блюдом ярко-рубиновых ягод, она с простуженным шипом выбрасывала длинный раздвоенный язык в сторону гражданки Чикиной.

Павла Петровна въ первый момент удобилась жене Лота, потом для чего-то раскрыла рот и выпустила из рук кастрюлю.

Раздавшийся стук заставил страшную

гостью сделать угрожающее движение в сторону соляного столба. Хвостатый язык метнулся дальше, чем следует, и спираль зеленого тела заколебалась.

Глухо икнув раскрытым ртом, несчастная женщина всей своей рассыпчатой непропеченной фигурой грохнулась на пол.

Виновица происшествия неторопливо доела клубнику, потом, брезгливо обойдя недвижимое тело, отправилась исследовать квартиру.

Результат осмотра, повидимому, не соответствовал понятиям гостью о змеиной квартире, потому что, облазив все закоулки и ни на чем не остановив своего внимания, она очутилась в кухне. Замѣтив дверную щель, змея протиснулась в нее и направилась по лестнице, — подыскивать для себя более комфортабельную квартиру.

Мелодичное урчанье на следующей площадке приковало к себе музыкальный слух змеи. Звуки исходили из щели подобной только-что покинутой. Змея просунула голову в щель — музыка осталась слышнее.

Когда предоставляется возможность бесплатно насладиться бесподобной музыкой Бетховена, хотя бы и на страдающей астмой виолончели, никогда не следует игнорировать этой возможности. Таково именно было и мнение редкой посетительницы. Зная, что она всюду явится желанной гостьей и вполне компетентной ценительницей музыки, змея бесшумно втянула свое трехаршинное тело в музыкальную щель.

Эмма Карловна Шниц вечером собиралась на концерт в филармонию. Пока же, поставив таз на раковину и открыв кран, с немецкой аккуратностью полоскала кремовую батистовую кофточку.

Игнорируя присутствие хозяйки, гостья спокойно проследовала дальше, навстречу ласкающим музыкальным волнам.

Виолончелист Урчалович, нежно обняв коленями предмет своей артистической страсти, с вдохновенно закатившимися под лоб глазами пилил смычком неумирающего Бетховена.

Музыкальная гостья поспешила занять место в первом ряду, прямо против нежно воркующей диковины. Вытянувшись штопором, вровень с закрытыми глазами артиста, змея принялась мерно раскачиваться в каком-то экзотическом танце.

Если вы помните миф об Орфее, то можете отметить у себя в записной книжке, что этот миф повторился много веков спустя, в условиях нашей малоподходящей действительности.

Гостья, — которая, кстати сказать, от рождения носила звучное имя — Боа Констриктор, — внимательно дослушала симфонию Бетховена до конца. Когда где-то в бесконечности замерла последняя нота, змея выразила свой восторг поощрительным шипением.

Урчалович, застывший было в безмолвной музыкальной паузе, томно открыл глаза и...

Кому угодно описать ощущения современного Орфея, может попытаться, — автор охотно уступит ему лавры тонкого психолога, сам же ограничится только внешне-описательной частью этой правдивой истории.

Урчалович сначала широко раскрыл глаза, ставшие похожими на два иллюминатора, через которые кто-то изнутри пытается просунуть два круглых предмета. Затем, таким же образом раскрыл рот. И, наконец,

GRAND PREMIO

A. ADAMKA.

SAARA KAUPPLUS VANAPOSTI T.2
TALLINN-REVAL.

Самая красивая и изящная обувь.

Центральный книжный складъ

„Русская Книга“

Большой выборъ всевозможныхъ книгъ. Последнія новости. Классики. Дешевыя книги для легкаго чтенія. Мемуарная литература. Научныя изданія. Учебники. Книги для дѣтей и юношества.

Ревель, Королевская, 3.

поспешно юркнул за свою виолончель, как за каменную стену.

Змея, как известно, отличаются мудростью, не в пример людям. Наша змея также не выходила из границ общего правила и не желала лишать себя эстетических переживаний. Позевывая от скуки, она терпеливо ждала продолжения программы.

Музыкант по профессиональной привычке капризничал и не торопился начинать.

В конце-концов, при подобной артистической несговорчивости самый завзятый меломан начнет терять терпение. Так было и со змеей.

Она выбросила двухвостый язык и явственно прошипела: „biss!“.

Артист не сдавался. Сознывая неотложную необходимость подкрепления, он неистово закричал:

сторону и выразила нескрываемое желание спрятаться за жильца.

Слегка обеспокоенная бесцеремонным вторжением хозяйки, змея расправила свои кольца, вытянулась в полкомнаты и снова громким шипом потребовала повторения.

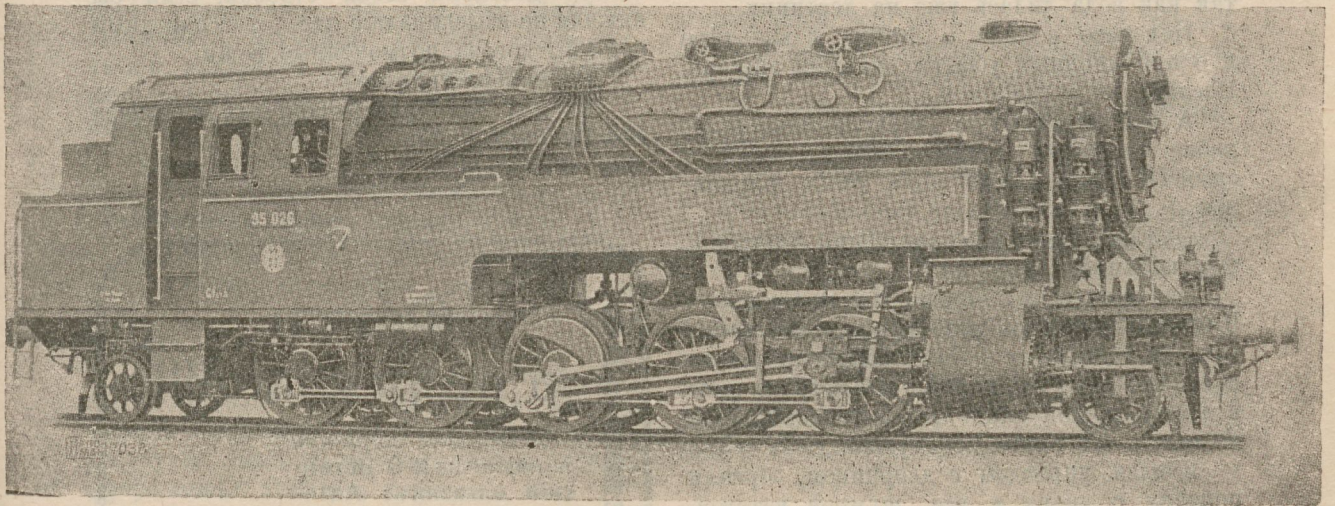
Двое людей упятились в угол и там застыли в безмолвном ужасе. Слышно было, как на кухне льется вода, а на улице гудит трамвай. Когда первое оцепенение прошло, артист тихо забормотал:

— Боже мой! Какой ужас! Какой ужас!.. Что нам делать? Что делать?..

— И ведь расположилась, негодная, у самой двери, выйти нельзя, — злилась немка, более сохранившая самообладание.

— Я разобью окно и закричу на помощь, — решил виолончелист.

— Хорошо придумали. Испугавшись

Новѣйшій германскій паровозъ-тендеръ.

— Эмма Карловна!..

— Что вы так кричите? Вы меня перепугали, — донеслось из кухни, сквозь журчанье льющейся из крана воды.

— Эмма Карловна! Спасите! Умоляю!..

— Мой Бог, что случилось?

— Берите скорей швабру, полено, утюг, что хотите... Ай... Эмма Карловна!..

— Неужели опять? И как вам, взрослому мужчине, не стыдно бояться мышей!..

Не закрывши впопыхах крана, немка, со шваброй в руках, бросилась в комнату жильца.

— Ой, Боже мой!.. — Наткнувшись с разбега на гостью, немка бросилась в

шума, она нас проглотит, или искушает...

— Что же делать? — растерянно озираясь артист.

— Знаете что? — сообразила немка.

— Играйте. Змея любит музыку... Я читала. Не нужно только ее раздражать... А тем временем кто-нибудь придет и выручит.

Виолончелист опасливо двинулся к своей спасительнице, обнял и запил. Сначала неуверенно, больше на тремоло, потом оправился и заиграл смелее.

— Бравурнее... Что-нибудь веселое! — командовала находчивая Эмма Карловна.

Польки, вальсы, экосезы без перерыва следовали один за другим.

Урчалович выбивался из сил. Когда музыка на минуту утихала, боа, свернувшаяся у двери внушительным мотком каната приподнимала голову и не то угрожающе, не то поощрительно, шипела что-то по змеиному.

— Что-нибудь близкое ей, родное... американское! — дирижировала немка:

Неслись разухабистые матчиши, кэкуоки, ту-степы...

В кухне бушевала пущенная во всю вода, слышно было, как она водопадом стекала на пол, с легким журчаньем разливалась по корридорам.

Снизу в потолок неистово стучали.

На площадке, около кухни Эммы Карловны Шниц, собралась недоумевающая толпа. Осторожно, через цепочку, заглядывали в щель двери, боясь промочить ноги, так как вода лилась уже на лестницу.

Неистово воила о потопе в квартире и о причиненных убытках нижняя жилища. Послали за управдомом.

А в полуоткрытую дверь неслись разухабистые звуки негритянской музыки и слышался энергичный голос Эммы Карловны:

— Еще, еще!.. Веселее. Темп быстрее!.. Фортиссимо!..

Очнувшись от обморка, Павла Петровна Чилина спустилась вниз и прерывающимся голосом, бестолково и сбивчиво, рассказывала собравшимся о страшной гостье, — о змее в десять аршин длиной, изрыгающей огонь из пасти. Ее никто не слушал.

Явился упровдом с дворником, сорвали цепочку с двери и все, шумной ватагой, по водному простору, направились в концертный зал.

Змея нимало не смутилась шумом, произведенным запоздавшей на концерт публикой. Она испытывала двойное удовольствие: нежилась в прибывающей тепловой воде и наслаждалась знойной экзотической музыкой.

Чем бы кончился этот необычайный концерт, — неизвестно, если бы во время явившаяся мисс Нелли, укротительница змей, не унесла своего музыкального питомца наверх и не усадила его в одну из двух привезенных утром корзин.

Автор, верный почтенным традициям русской литературы, не может оставить этой трогательной истории без эпилога.

Мисс Нелли попросили немедленно выехать из квартиры, благо, она еще не была прописана.

Павла Петровна Чикина получила легкое нервное расстройство. С нею делаются припадки при виде клубники Виктирии и круглых, длинных вещей, хотя бы отдаленно напоминающих змею.

Виолончелист Урчалович в этот день не участвовал в концерте, — концерт был отменен по болезни артиста. Кроме того, почтенный музыкант потерял интерес к Бетховену и вообще к серьезной музыке. Он сосредоточил всё свое внимание на кэкуоках и матчишах. Ныне артист выступает по кафе, где пользуется исключительным успехом.

Эмма Карловна, вследствие удачного дебюта в качестве дирижера, мечтает поступить в дамский оркестр и была бы вполне довольна своей судьбой, если бы нижняя не взыскивала с нее через народный суд убытков за подмоченные вещи.

А Боа-Констриктор?

Что же, Боа-Констриктор так и остался Боа-Констриктором.

Не смѣшывайте съ другими фирмами! Обращайте вниманіе на № 6.

Фактъ, а не реклама!!!

Не забудьте обратитъ вниманіе на № 6. Эстонскій магазинъ: Аптекарскій пер., № 6. Только тамъ можно дешево купить изъ хорошаго матеріала:

Модныя весеннія пальто изъ хорошаго драпа по 3.300 мар. и дороже.

Костюмы по 2.600 мар. и дороже.

Мужск. брюки по 700 м. и дороже.

Дождевики по 2.400 мар. и дороже.

Просимъ убѣдиться лично!

Просимъ не смѣшывать съ другими фирмами!

Просимъ обратитъ вниманіе:

Аптекарскій пер., № 6.

Письмо бывшаго С.-Петербургскаго купца Никиты Иваныча Шорникова къ куму своему Трифилю Анисимовичу Рыбникову.

Дрожайшій кумъ нашъ,
Трифилій Анисымычъ!

Пишу тебѣ въ заграничныя страны по случаю случившейся со мною тяжелой хвори. Цѣлую недѣлю въ безпамятствѣ лежалъ и Богу душу еле-еле не отдалъ.

Попа уже для напутствованія призывали. Отъ принятія Святыхъ Тайнъ и облегченіе вышло.

Сперва на обновленческаго Іуду наскочили и замѣсто Святыхъ Тайнъ я чуть было непотребное не пріялъ и съ тѣмъ передъ престолъ Всевышняго не предсталъ, какъ бы отъ православной прародительской вѣры отпавшимъ. Да, спасибо, Парфенъ Платонычъ случился. Обликъ священнической показался ему больно неудовлетворительнымъ, такъ онъ ему экзаментъ учинилъ и по шеямъ съ лѣстницы спустилъ.

Хошь апосля и непріятности самъ претерпѣлъ и еле-еле откупился, за то душу православную, можно сказать, спасъ.

Да, братъ кумъ, укомиссарили-жъ меня, никакого степенства въ фигурѣ не осталось, а все черезъ карахтеръ свой страдаю.

Не пожелалъ съ тобой на свою дачу въ Финляндію убѣгать, дурака валялъ, зазорно показалось мнѣ Рассейскому купцу къ чухнѣ подъ начало идтить, да и безъ „фараоновъ“ хотѣлось пожить.

Вотъ и пожилъ... Замѣсто Россійской столицы Санктъ-Петербурга въ Ленинградъ, сирѣчь Іерусалимъ, очутился, гдѣ жидовинъ на жидовинъ, разная иноземная погань на погани, шлюха на шлюхѣ сидятъ и православнымъ людямъ, яко скотомъ, помыкаютъ. Имущества и личности купеческой лишился и чуть было опоганеннымъ на тотъ свѣтъ не представился.

Тоска по прежней жисти,—и по фараонамъ, и по винной монополіи, и по прочимъ вольностямъ,—заѣдаетъ, отчего, полагаю, и болѣсть тяжелая приключилась. Мы только всѣ и думаемъ тутъ, какъ бы опять на „Николаевскую“ дорогу своротить и снова при городскихъ быть. Я такъ, считаю, что безъ оныхъ никакъ невозможно Рассейскому Государству въ прежней силѣ и порядкѣ находиться.

Повѣришь ли, чуть ли не кажинную ночь во снѣ вижу: стоитъ это на перекресткѣ въ полной монументальности прежній фараонъ, съ такимъ багрово-краснымъ ликомъ, при всей амуниции, съ медалями и крестами на груди, и въ ухахъ звенить зычный гласъ: „Куды ты прешь!.. Падайся!.. Осади!..“ Проснусь и въ умиленіе чувствъ прихожу.

Я такъ полагаю, что супротивъ нашихъ лучше, ты, кумъ, и въ заграницахъ не встрѣтилъ.

При случаѣ обязательно отпиши, а въ остальномъ прочемъ все, слава Богу, у насъ благополучно, акромья того, что почти всѣ знакомые наши, кто не убежъ, али въ тюрьмѣ насильственной смертью померли, али просто отъ режима жизни лишились.

За симъ прощай. Трижды обнимаю. Кланяются тебѣ...

Твой кумъ Никита Шорниковъ.

Отъ чтенія этаго письма кума моего Никиты Иваныча и жизни его при разныхъ тамошнихъ „свободахъ“ я въ скорбность пришелъ вспомнилось мнѣ какъ мы съ кумомъ запрежъ жили, когда еще подъ „игомъ“ Романовыхъ были и „въ тяжелыхъ кандалахъ и цѣпяхъ царскихъ“, какъ говорилось, ходили, безъ эфтихъ самыхъ, значитъ, „священныхъ“ свободъ.

I.

Увеселительная прогулка.

Какъ-то загулялъ я съ Никитой Иванычемъ по разнымъ сногшибательнымъ увеселеніямъ по случаю вспрысковъ новаго шарабана, купленнаго, по случаю, съ аукціона.

Перво-на-перво отправились въ зоологію морскихъ львовъ дразнить, но до оныхъ звѣрей никакъ добраться не могли, потому что застряли въ буфетномъ отдѣленіи.

Пили мы, пили—и вдругъ Никитѣ Иванычу старшій буфетчикъ бульдогомъ показался. Сталъ онъ ему въ ротъ булку совать и по бакенбардамъ гладить. Конечное дѣло, тому это не понравилось и намъ въ двадцать четыре секунды устроили передвижную выставку. Безъ всякой вѣжливости и культуры сцапали за шиворотъ и—въ паркъ.

изъ земледѣльцевъ, способныхъ къ личному труду и безгранично проникнутыхъ желаніемъ добиться успѣха въ своемъ начинаніи. 2. Она должна завоевать симпатіи населенія честнымъ и достойнымъ обращеніемъ съ жителями и въ частности съ мѣстными индѣйцами. 3. Она должна высоко держать русское имя.

Материальныя средства необходимы для начала слѣдующія:

1. Оплата марокъ на визѣ — около одного амер. доллара. 2. Существующую нынѣ высокую оплату переѣзда черезъ океанъ въ 3-мъ классѣ съ продовольствіемъ ген. Бѣляевъ надѣется, путемъ сношеній съ соотвѣтствующей пароходной компаніей, понизить при массовой перевозкѣ до 30 долларовъ, устранивъ всѣхъ посредиковъ и маклеровъ. 3. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ

отъ Сантоса (южнѣе Ріо де Жанейро) до порта Эсперансъ — 15 долларовъ. 4. Переѣздъ на пароходѣ отъ порта Эсперансъ по Парагваю до Рагіа-Негра, вблизи которой расположена колонія, И. Т. Бѣляевъ надѣется получить бесплатный.

Независимо отъ сего, прибывающіе должны имѣть для оплаты стоимости продовольствія въ теченіи первыхъ 6 мѣсяцевъ — 35 амер. долларовъ на холостого и по 21 доллару на каждого члена семьи.

Часть необходимыхъ для сельско-хозяйственныхъ работъ инструментовъ и сѣмена предполагаетъ предоставить переселенцамъ парагвайское правительство, которое затѣмъ, по расчисткѣ почвы, выдастъ черезъ „Банко Агрикола“ плуги и другія орудія на выплату въ теченіи большого количества лѣтъ.

Копилка курьезовъ.

Либимица Петра.

Князю Меньшикову поручено было преобразовать адмиралтействъ-коллегію. Онъ обнаружилъ многочисленныя злоупотребленія въ морскомъ управленіи.

Когда князь Меньшиковъ проходилъ черезъ залъ присутствія адмиралтействъ-коллегіи, председатель ея обратился къ нему:

— Мы слышали, что вашей свѣтлости поручено преобразовать морское управленіе. Неужели же рука ваша подыметъ на любимую дочь Петра Великаго, благодѣтеля вашего прадѣда и всего его рода?

Князь Меньшиковъ, смѣясь, отвѣчалъ:

— Это правда, что адмиралтействъ-коллегія была любимицей Петра Великаго, но, если бы онъ увидалъ, какъ его дочь на старости лѣтъ стала пошлавать, то ей, вѣроятно, было бы еще хуже.

Оскорбленіе величества.

Казанскій генераль-губернаторъ Каменскій прислалъ однажды нарочнаго въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что одинъ дьячокъ всенародно поносилъ ея императорское величество въ кабацѣ и за то преданъ уже суду. Екатерина отвѣчала на это вѣрноподданническое донесеніе, что „никакія рѣчи дьячка для

нея не важны, не слѣдовало для того тревожить курьера, и чтобы, по освобожденіи виновнаго изъ-подъ ареста, отослать его къ архіерею съ совѣтомъ сему приказать причетникамъ быть при церквахъ, а не въ кабакахъ“.

*Украсть сто марокъ изъ редикуля
Или снять шубу изъ вестибюля,
Миръ справедливо возмутится,
И воръ подъ стражей въ тюрьму пом-
чится...*

Украсть сто тысячъ, но только смѣло,
И даже больше, но взять умѣло,
И мѣръ не будетъ удивляться.
Онъ будетъ весело смѣяться...

Раскрасть страну-же и ... большую
И покушаться на другую,
И мѣръ меновенно умилиться
И съ воромъ даже подружится.

Марія Зарубежная.

Курьезы изъ жизни А. С. Пушкина.

Вдова одного генерала, выслужившагося изъ незамѣтныхъ офицеровъ, раненаго въ 1812 году въ переносицу и вскорѣ скончавшагося, задумала заказать соотвѣтствующіе стихи на его памятникъ. Къ кому же обратиться, какъ не къ Пушкину? Поэтъ отнѣкивался подъ разными предлогами, но, когда онъ прѣехалъ, однажды, поздравить генеральшу съ днемъ Ангела, хозяйка, что называется пристала съ ножемъ къ горлу: — „Вотъ, Александръ Сергѣевичъ, я все уже приготовила, садитесь и пишите!“

Пушкинъ съ неудовольствіемъ прісѣлъ къ письменному столу, и черезъ минуту стихи были готовы:

„Неизвѣстно, гдѣ онъ росъ,
На службу поступилъ капраломъ,
Французскимъ чѣмъ-то раненъ въ
И умеръ генераломъ“.

Средство отъ кашля.

Одному молодому врачу страшно надоѣлъ пациентъ армянинъ своими частыми посѣщеніями клиники по разнымъ кажущимся ему недомоганіямъ. Однажды, когда врачъ, покончивъ съ пріемомъ больныхъ и будучи особенно не въ духѣ отъ усталости, собирался уже уходить, явился снова этотъ любитель лѣчиться и сталъ настаивать на освидѣтельствованіи его, жалуясь на сильный кашель. Раздосадованный врачъ въ составъ приписаннаго лѣкарства включилъ лошадиную долю слабительнаго. Черезъ нѣсколько дней врачъ былъ остановленъ на улицѣ армяниномъ. „Благодарю, г-нъ докторъ!“ сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку врача. Помня свою продѣлку, докторъ въ нѣкоторомъ смущеніи произнесъ: „Не стоитъ! Вамъ помогло?... Вы перестали кашлять?“

„Да, г-нъ докторъ, я не смѣлъ кашлять... я боялся“.

Въ конторѣ.

Владѣлецъ фирмы: — „Вашъ сюртукъ, г-нъ бухгалтеръ, имѣетъ довольно потертый видъ“.

Бухгалтеръ: — „И не удивительно, я заказалъ его, когда получилъ отъ васъ послѣднюю прибавку“.

Величайшее безумство.

— За одинъ вашъ поцѣлуй, дорогая, я способенъ совершить какое угодно безумство.

— О, въ такомъ случаѣ женитесь на мнѣ.

* * *

Онъ: Знаете, сударыня, мое воспитаніе стоило моему отцу чуть ли не цѣлый миллионъ.

Она: О да, охотно вѣрю, вы знаете, теперь, всегда такъ, тратишь большія деньги, а получаешь за это ровно шишъ.

Г-нъ Наворишъ у знаменитаго художника.

— Г-нъ профессоръ, что вы возьмете съ меня за миниатюрку въ человѣчскій ростъ, если я самъ поставлю вамъ для нея краски?

Среди художниковъ.

— Скажи, пожалуйста, дружище, почему на своихъ картинахъ ты пишешь ангеловъ всегда съ черными волосами.

— Что же тутъ удивительнаго, ты знаешь вѣдь, что моя жена такая яркая блондинка.

Два мужа.

— Я никогда не противорѣчу своей женѣ.

— Я тоже нѣтъ, и даже болѣе, я спѣшу скорѣе съ нею согласиться, и тогда она, изъ противорѣчія, дѣлаетъ наоборотъ, т. е. то, что мнѣ желательно.

Миръ въ семьѣ.

Мальчикъ, обращаясь къ входящей старухѣ — тещѣ:

„Бабушка, а ты на чемъ пріѣхала?“

Теща: „Я пришла пѣшкомъ“.

Мальчикъ: „Почему же папочка сказалъ, что тебя чортъ принесъ?“

* * *

— Кто былъ первымъ изобрѣтателемъ телефона?

— Это былъ, конечно, праотецъ Адамъ. Вѣдь это онъ первый, чортъ его возьми, сдѣлалъ изъ своего ребра именно радио-телефонъ, т.е. женщину, которая все разноситъ во всѣ концы свѣта и трещитъ 24 часа въ сутки.

Басня.

По улицамъ коммуны нашей
Два брюха шли: едино съ кашей на пайкѣ,
Другое вовсе на легкѣ.

Отъ перваго и шумъ и гамъ,
И непріятности для дамъ.

Второе же едва плетется.

Его завидѣвъ, путникъ усмѣхнется
И тихо молвитъ про себя:

Укатегорили жъ тебя!

Читатель мой, подумай и разжуй,
Кто пролетарій, кто буржуй.

Нравоученія или опытъ жизни.

Афоризмы дяди Клима.

— Говоря съ начальствомъ по телефону, можетъ принять самую непринужденную позу.

— Виза и квота — двѣ манящія къ себѣ звѣзды на тускломъ эмигрантскомъ небѣ.

— Играя на струнахъ любви, помни, что разъ оборвавъ ихъ, ты не сможешь больше пользоваться даннымъ инструментомъ.

— Дѣлая предложеніе, говори коротко, такъ какъ долго пылать въ любви и невозможно и вредно.

— Всѣ врутъ газеты, — перефразировалъ бы я теперь старую поговорку о календаряхъ.

— Искать валюту никому не возбраняется, но найти ее суждено не всякому.

— Здравъ высоко брюки, ты рискуешь перешеголять моду, то есть прослыть выскочкой!

— Не будь темноты, человѣчество никогда бы не додумалось до искусственнаго освѣщенія.

— Дѣло не въ шляпѣ, а ... въ валютѣ — сказалъ бы я.

— Никогда, даже и въ положеніи русскаго эмигранта, не вѣшай своего носа на крючокъ: — испортишь профиль.

— Ни одинъ пожаръ, кромѣ Балканскаго, не заливаютъ ... нотами и пушками.

Ударные инструменты изобрѣтены задолго до большевиковъ.

Театръ и Кино.

„Пассажъ“.

— „На седьмомъ небѣ“, фарсъ въ 6 актахъ съ участіемъ Патъ и Паташона. „Принцесса нищихъ“, драма въ 5 актахъ. Дирекція кино готовитъ къ постановкѣ роскошную картину подъ названіемъ — „Nebelungen“, — историческій эпизодъ по манускрипту Теа фонъ Гарбу, съ участіемъ извѣстныхъ артистовъ:— Маргариты Шэнъ, Ганны Ральфъ, Пауля Рихтеръ, Бернгарда Гетцке, Рудольфа Клейнъ-Роггэ и др.

„Казино“.

— „Тайны Берлина“, современная драма съ участіемъ красавицы Еви Ева. И веселая американская комедія.

Знаменитая кино-артистка Поля Негри.

Знаменитая кино-артистка Аста Нильсенъ.

„Рекордъ“.

— „Послѣдній наслѣдникъ престола Французской имперіи“ („Dauphin“), большая историческая драма съ участіемъ Тибора Любичаго. Крімъ того комическая. Въ скоромъ времени будетъ демонстрироваться грандіозная фильма сезона — „Да здравствуетъ король!“ съ участіемъ самаго маленькаго и талантливаго артиста Джэка Коганъ.

„Грандъ-Марина“.

— „Любовь въ снѣгу“ — фарсъ въ 6 частяхъ, съ участіемъ датскихъ комиковъ Патъ и Паташона. „Опасность Жукони“ — драма съ участіемъ Вильяма Десмонда.

Возвращеніе Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.
Продолженіе.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ появленіемъ полицейскихъ.

Когда полицейскіе увидѣли Тарзана, удивленію ихъ не было границъ.

„Вотъ человѣкъ, котораго вы нашли въ домѣ на улицѣ Моль, — сказалъ начальникъ полиціи, обращаясь къ нимъ, — онъ добровольно явился сюда, выслушайте внимательно отъ лейтенанта Д'Арно исторію жизни г-на Тарзана и вы поймете его поведеніе по отношенію къ вамъ. Начинайте, дорогой лейтенантъ!“.

Д'Арно разсказалъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Тарзана, объяснилъ, какъ онъ привыкъ сражаться съ дикими звѣрями въ цѣляхъ самозащиты, и полицейскимъ стало ясно, что во время схватки съ ними Тарзаномъ руководилъ скорѣе инстинктъ, чѣмъ разумъ. Онъ, очевидно, не понялъ ихъ намѣреній. Для него, привыкшаго къ жизни въ джунгляхъ, они были враги“.

„Ваше самолюбіе, конечно, очень задѣто“, добавилъ Д'Арно. „Больше всего для васъ неприятно то, что одинъ человѣкъ оказался сильнѣе васъ всѣхъ. Но это нисколько васъ не уничтожаетъ и не должно васъ удручать. Вѣдь вы объяснили бы какъ-нибудь свою неудачу при схваткѣ въ той же комнатѣ со львомъ или гориллой. А между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, вамъ пришлось имѣть дѣло съ мускулами, побѣждавшими въ неоднократной борьбѣ въ джунгляхъ и львовъ и гориллъ“.

Видя, что полицейскіе стоятъ какъ бы въ нерѣшительности, Тарзанъ подошелъ къ нимъ съ протянутой рукой и сказалъ:

„Я очень сожалѣю о своей ошибкѣ. Будемъ друзьями!“ Такимъ шагомъ Тарзанъ не только уничтожилъ послѣдніе остатки враждебности къ себѣ, но и приобрѣлъ въ лицѣ этихъ бравыхъ молодцовъ новыхъ друзей.

По возвращеніи домой, Д'Арно нашелъ письмо отъ своего друга, Вильгельма Сесилия, Лорда Грэйстокъ, съ которымъ онъ сошелся еще во время несчастной экспедиціи въ поискахъ

Джэнь Портеръ, похищенной обезьяной Теркоцъ.

„Они собираются пожениться приблизительно черезъ 2 мѣсяца“, сказалъ Д'Арно, прочтя письмо.

Тарзану было ясно, кого лейтенантъ подразумевалъ подъ словомъ „они“. Онъ ничего не отвѣтилъ, но весь день былъ молчаливъ и задумчивъ. Вечеромъ пріятели поѣхали въ оперу. Тарзанъ былъ разсѣянъ и мало вниманія удѣлялъ происходившему на сценѣ. Его не покидалъ образъ прелестной молодой американки, а въ ушахъ звучалъ ея нѣжный, грустный голосъ, сказавшій, что любовь его нашла откликъ и въ ея сердце. „Однако, несмотря на это, она все-таки собирается выйти замужъ за другого“, — съ горечью подумалъ онъ. Энергичнымъ усиліемъ воли Тарзанъ попытался избавиться отъ своихъ докучливыхъ мыслей. Вдругъ онъ почувствовалъ, что на него кто-то смотритъ. Это оказалась графиня де-Кудъ. Отвѣчая на ея кивокъ, Тарзанъ замѣтилъ, что глаза ея звали и даже, какъ-бы, о чѣмъ-то просили, поэтому въ слѣдующемъ антрактѣ онъ пошелъ въ ея ложу.

„Я давно уже хотѣла видѣть васъ“, — начала графиня. „Меня очень беспокоила мысль, что вы, оказавъ мужу и мнѣ такія услуги и не получивъ никакого объясненія нашего нежеланія предпринять что-либо противъ тѣхъ негодяевъ, могли считать насъ неблагодарными и неоткровенными“.

„Вы ошибаетесь, графиня, — прервалъ ее Тарзанъ, — я всегда думалъ о васъ лишь самое лучшее. Мнѣ не надо никакихъ объясненій! Надѣюсь, что они больше васъ не беспокоили?“

„Они никогда не оставятъ насъ въ покоѣ, — грустнымъ голосомъ отвѣтила графиня, — я чувствую, что должна разсказать вамъ все, вѣдь я не знаю никого, кто заслуживалъ бы большаго довѣрія, чѣмъ вы. Кромѣ того, это можетъ оказаться полезнымъ и для васъ, т. к., на основаніи собственнаго опыта, я убѣждена, что Роковъ найдетъ пути и способы, чтобы отомстить вамъ. Мой

разсказъ можетъ дать вамъ возможность разрушить его планы. Но здѣсь говорить неудобно. Зайдите ко мнѣ завтра, въ пять часовъ я буду дома, и одна“.

„Цѣлая вѣчность до этого!“ — пошутить Тарзанъ и распрощался.

По окончаніи спектакля они опять столкнулись въ подъѣздѣ, причѣмъ графиня, садясь уже въ автомобиль, бросила Тарзану:

„Итакъ, завтра въ 5 часовъ обязательно жду Васъ“. Это фраза долетѣла до ушей Рокова и Павловича, которые также были въ театрѣ и незамѣтно слѣдили за графиней и Тарзаномъ.

На слѣдующій день, въ половинѣ пятого, смуглый, бородатый мужчина позвонилъ съ чернаго хода въ особнякъ графа де Кудъ. Лакей, открывшій ему дверь, приподнялъ брови въ знакъ того, что узналъ стоявшаго снаружи. И между ними завязался разговоръ шопотомъ.

Сперва лакей колебался, потому что то перешло изъ руки бородатаго посетителя въ руку лакея. Лакей впустилъ мужчину и провелъ его окольнымъ ходомъ въ маленькую задрапированную нишу въ гостиной, въ которой графиня обычно принимала гостей днемъ.

Полчаса спустя, другой лакей ввелъ въ эту гостиную Тарзана, и тотчасъ вошла туда улыбающаяся, съ протянутыми руками хозяйка дома.

Нѣсколько минутъ они говорили объ оперѣ и о разныхъ предметахъ, занимавшихъ тогда весь Парижъ. Оба заявили, что рады возобновить ихъ краткое знакомство, начавшееся при такихъ странныхъ обстоятельствахъ. Мало-помалу они перешли въ вопросу, интересовавшему обоихъ больше всего.

„Вы хотите знать причину этихъ преслѣдованій со стороны Рокова, — сказала графиня. — Я вамъ объясню. Графу довѣряютъ важнѣйшіе секреты военнаго министерства. У него часто бываютъ на дому документы, за обладаніе которыми иностранныя державы заплатили бы громадныя суммы. Ради этого ихъ агенты готовы идти на всевозможныя преступленія, включительно до убійства.“

Въ настоящее время у графа имѣются такіе документы, за которые русскій, доставившій ихъ своему правительству, получилъ бы цѣлсе состояніе. Роковъ

и Павловичъ русскіе шпіоны. Они не останутся ни передъ чѣмъ, чтобы раздобыть эти свѣдѣнія. Инцидентъ на пароходѣ—исторія съ картами—былъ созданъ, чтобы шантажировать потомъ графа, и держать его подъ вѣчной угрозой бесчестія. Если бы не вы, этотъ шантажъ удался бы имъ и они потребовали бы отъ графа платы за молчаніе, конечно,—платы документами. Затѣмъ у нихъ созрѣлъ планъ, по которому жертвой шантажа должна была стать я, вмѣсто графа. Павловичъ, проникнувъ въ мою каюту, объяснилъ мнѣ это. Павловичъ заперся со мною въ каютѣ, а Роковъ долженъ былъ поднять тревогу на пароходѣ, чтобы этотъ „пикантный“ случай распространился между всѣми пассажирами и даже попалъ бы въ скандальную хронику газетъ. Но я, случайно, знаю одно преступленіе Павловича, за которое ему угрожаетъ каторга, если бы объ этомъ узнали русскіе власти. И тотъ, когда я сообщила ему объ этомъ тогда на пароходѣ и назвала одно имя, какъ извѣстно, вцѣпился мнѣ въ горло и задушилъ бы меня, не будь вашего вмѣшательства.

„Звѣри!“ пробормоталъ Тарзанъ.

„Мой другъ, они хуже, чѣмъ звѣри, — сказала графиня — Это дьяволы. Я боюсь за васъ потому, что вы навлекли на себя ихъ ненависть. Будьте всегда насторожѣ. Обѣщайте мнѣ. Ради меня. Я никогда бы себѣ не простила, если бы вы пострадали сами за то, что рыцарски заступились за меня.“

„Я ихъ не боюсь, — отвѣтилъ Тарзанъ. — Я имѣлъ болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ Роковъ и Павловичъ, и, однако, я уцѣлѣлъ“ — Понявъ, что графиня не знала о происшествіи на улицѣ Моль, Тарзанъ, изъ опасенія обезпечить ее, ничего не сказалъ о немъ и продолжалъ: — „Но отчего вы не выдадите этихъ шпіоновъ здѣшнимъ властямъ?“

„По двумъ причинамъ, — сказала графиня послѣ паузы. — Одна изъ этихъ причинъ удерживаетъ отъ такой мѣры графа. Другая—меня! Я удивляюсь...“ — графиня умолкла и устремила на Тарзана долгій, пристальный взглядъ.

„Чему вы удивляетесь?“

„Я не понимаю, почему я готова открыть вамъ то, что я не рѣшаюсь сказать даже мужу, но мнѣ кажется,

что вы поймете меня, посоветуете, какъ мнѣ поступить, и не будете судить меня слишкомъ строго!“

„Боюсь, что я буду пристрастенъ, т. к., напримѣръ, если бы васъ осудили за убійство, то я сказалъ бы, что большое счастье пасть отъ такой руки“.

„О нѣтъ, не представляйте себѣ такихъ ужасовъ. Но сначала я объясню вамъ, почему графъ не выдаетъ этихъ негодяевъ, а потомъ, если у меня хватитъ мужества, я сообщу и другую причину, которая удерживаетъ отъ этого меня. Итакъ я начинаю: Николай Роковъ мой братъ, мы—русскіе. Николай, сколько я его помню, всегда былъ дурнымъ человѣкомъ. Его со скандаломъ выгнали изъ русской арміи и ему ничего больше не оставалось, какъ пойти на службу въ охранную полицію, что считается у насъ заторнымъ. Николая обвиняли во многихъ ужасныхъ преступленіяхъ, но онъ всегда умѣлъ избѣжать наказанія. Еще недавно, путемъ обвиненія опасныхъ для него людей въ политической неблагонадежности, ему удалось выйти сухимъ изъ воды“.

„Но развѣ его преступныя дѣйствія по отношенію къ вамъ и графу не лишили его въ вашихъ глазахъ всѣхъ родственныхъ правъ? — спросилъ Тарзанъ. — То, что вы его сестра, не остановило его, однако, отъ попытки запятнать вашу честь! Нѣтъ, онъ не заслуживаетъ никакого снисхожденія!“

„Хотя онъ и мой братъ, но я не питаю къ нему никакихъ родственныхъ чувствъ, но есть еще и другая причина: я не могу отдѣлаться отъ постоянного безпокойства при мысли, что ему извѣстно одно происшествіе со мной. Я должна вамъ рассказать все, т. к. увѣрена, что раньше не успокоюсь. Я воспитывалась въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Тамъ я случайно, на одномъ изъ вечеровъ встрѣтилась съ человѣкомъ, въ которомъ видѣла джентльмена, я мало или, вѣрнѣе, совсѣмъ не знала мужчинъ. Еще менѣе я знала о любви. Увѣренная, что я люблю его, я бѣжала съ нимъ. Я провела съ нимъ 3 часа, все время на глазахъ людей: на вокзалахъ и въ поѣздѣ. Когда мы пріѣхали къ мѣсту, гдѣ должны были обвѣнчаться, къ намъ, при выходѣ изъ вагона, подошли два офицера и арестовали моего спутника. Они

арестовали бы и меня, но когда я рассказала, какъ я оказалась въ обществѣ задержаннаго, то офицеры отправили меня обратно въ институтъ въ сопровожденіи пожилой дамы. Оказалось, что мой избранникъ—дезертиръ, спасавшійся отъ правосудія. По моей просьбѣ, институтское начальство все скрыло отъ общества и даже моихъ родителей. Но Николай впоследствии встрѣтился съ этимъ человѣкомъ, и тотъ ему все рассказалъ. Теперь Николай угрожаетъ сообщить объ этомъ случаѣ графу, если я не исполню его требованія... Вы понимаете, чѣмъ это грозитъ мнѣ?“

Тарзанъ разсмѣялся.

„Вы и сейчасъ еще настоящій ребенокъ,—сказалъ онъ.—Эта исторія никоимъ образомъ не можетъ набросить тѣнь на вашу репутацію. Подите сегодня же вечеромъ къ вашему мужу, расскажите ему все, точь-въ-точь какъ вы мнѣ рассказали. Можетъ быть, я грубо ошибаюсь, но, по-моему, онъ долженъ разсмѣяться, поцѣловать васъ и немедленно предпринять шаги, чтобы упрятать вашего драгоцѣннаго брата, куда слѣдуетъ“.

„Ахъ, если бы у меня хватило на это духу,—сказала гвафиня,—но я очень опасаюсь. Я рано научилась бояться мужчинъ. Сперва я боялась моего отца, потомъ Николая, потомъ батюшку въ институтѣ. Всѣ мои подруги тоже боялись своихъ мужей. Почему же я должна быть исключеніемъ?“

„Культурная женщина не должна бояться мужчины—сказалъ съ увѣренностью Тарзанъ.—Вѣдь мужчины созданы, чтобы защищать женщинъ. Для меня была бы невыносима самая мысль, что я внушаю страхъ какой-нибудь женщинѣ“.

„Мой другъ, я не думаю, чтобы нашлась хотя бы одна женщина, которая боялась бы васъ?—мягко сказала Ольга де Кудъ.—Можетъ быть глупо, что я это говорю, но вы—единственный мужчина, котораго я не боюсь“.

Вскорѣ Тарзанъ всталъ, собираясь уходить. Онъ нѣсколько удивился ея крѣпкому рукопожатію и той настойчивости, съ какой она потребовала у него обѣщанія навестить ее опять завтра. Графиня произвела сильное впечатлѣніе на Тарзана и воспоминаніе

о ея затуманенныхъ глазахъ, прелестныхъ губкахъ и улыбка, которую она подарила ему на прощанье, не покидало его весь остатокъ дня.

Ольга де-Кудъ была очень красивая женщина, а Тарзанъ отъ Обезьянъ былъ совершенно одинокой молодой человѣкъ, и раненое сердце его нуждалось въ лѣкарствѣ, которое могла ему дать только женщина.

Когда, проводивъ Тарзана до передней, графиня вернулась въ гостиную, она очутилась лицомъ къ лицу съ Николаемъ Роковымъ.

„Ты давно здѣсь?“ воскликнула она, отступая.

„Я былъ здѣсь еще до прихода твоего любовника“, отвѣтилъ тотъ, нагло улыбаясь.

„Ни слова больше!—приказала она.— Какъ смѣешь ты говорить подобныя вещи мнѣ—твоей сестрѣ?“

„Полно, Ольга, если онъ не твой любовникъ, то не по твоей винѣ. Если бы онъ, хотя бы немного зналъ женщинъ, ты находилась бы сейчасъ въ его объятіяхъ. Онъ глупецъ: вѣдь каждое твое слово, каждый жестъ были зовомъ, а онъ этого не понималъ.“

„Я не хочу слушать тебя! Сегодня же вечеромъ я расскажу все Раулю, и тогда берегись!“

„Ничего ты ему не расскажешь. Теперь у меня есть нѣчто еще болѣе существенное:—новая „исторія“, которая принесетъ свою пользу. Съ помощью одного изъ твоихъ слугъ, мнѣ вполне преданнаго и готоваго подъ присягой подтвердить все то, что я ему прикажу, я въ любой моментъ буду въ состояніи довести до свѣдѣнія графа о твоихъ любовныхъ похожденияхъ. И ты считаешь себя вѣрной женой... Стыдись!“ Роковъ гадко засмѣялся.

Неспокойная совѣсть графини придала этому случаю преувеличенное значеніе.

Она, дѣйствительно, ничего не сказала своему мужу и нравственное состояніе ея еще болѣе ухудшилось, такъ какъ томившія ее раньше смутныя опасенія превратились теперь въ опредѣленный страхъ.

Глава V.

Неудавшійся заговоръ.

Въ теченіи мѣсяца Тарзанъ былъ постояннымъ и желаннымъ гостемъ прекрасной графини. Часто онъ встрѣчался тамъ съ другими членами ея небольшого избраннаго кружка, которые заглядывали къ ней на five o'clock. Но еще чаще графиня устраивала такъ, что они около часа проводили наединѣ. Первое время, вспоминая слова брата, она испытывала нѣкоторое безпокойство. Она спрашивала себя, чѣмъ объяснить ея странное влеченіе къ Тарзану. У нея не было желанія ни полюбить его, ни внушить ему любовь къ себѣ. Ей и въ голову не приходило, что причиною была большая разница въ лѣтахъ между нею и мужемъ, которая вызывала безсознательную жажду общенія съ человѣкомъ одного съ нею возраста. 20-лѣтнимъ трудно понимать 40-ихъ! Они вянутъ въ ихъ обществѣ. Тарзанъ же былъ старше графини лишь на нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того, онъ обладалъ чистой душой, былъ благороденъ и галантенъ. Съ первой же встрѣчи она почувствовала къ нему большое довѣріе.

Роковъ издала съ ироніей наблюдалъ эту возрастающую интимность. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Тарзану извѣстна его дѣятельность, къ его ненависти присоединился еще страхъ, какъ бы Тарзанъ не выдалъ его. Желая навсегда освободиться отъ послѣдняго и, въ тоже время горя жаждой мести за перенесенное униженіе, Роковъ выжидалъ только удобный моментъ, чтобы нанести ему смертельный ударъ.

Между тѣмъ, Тарзанъ, не подозрѣвая о новыхъ интригахъ Рокова, великодушнo чувствовалъ себя въ салонѣ графини и былъ счастливъ ея дружбой.

Она разсѣивала его мрачныя мысли и являлась своего рода бальзамомъ для его уязвленнаго сердца.

Д'Арно, давно знакомый съ де-Кудами иногда сопровождалъ къ нимъ Тарзана.

Графъ немного времени могъ удѣлять обществу жены и ея друзей, т. к. многочисленныя служебныя обязанности отвлекали его и зачастую задерживали до поздней ночи.

Роковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ какого-нибудь неосторожнаго шага со стороны графини и Тарзана, которымъ можно было бы воспользоваться, чтобы скомпрометировать ихъ. Но въ этомъ отношеніи ему не везло. Правда, Тарзанъ нѣсколько разъ провожалъ графиню изъ театра домой, но, къ великой досадѣ ея брата, неизмѣнно прощался съ нею у подъѣзда.

Тогда Роковъ съ Павловичемъ работали свой планъ, приведенію котораго въ исполненіе помогъ случай.

Въ одной изъ утреннихъ газетъ появилась замѣтка о раутѣ у германскаго посла, имѣвшемъ состояться на слѣдующій день. Графъ де-Кудъ былъ упомянутъ въ числѣ приглашенныхъ, слѣдовательно, онъ могъ вернуться домой лишь послѣ полуночи. Въ этотъ вечеръ Павловичъ наблюдалъ за домомъ германскаго посла, чтобы видѣть прибывающихъ гостей. Когда подъѣхалъ де-Кудъ, Павловичъ поспѣшилъ къ Рокову. Въ 11 час. Павловичъ звонилъ на квартиру лейтенанта Д'Арно.

„Попросите къ телефону г-на Тарзана“ — сказалъ онъ. „Г-нъ Тарзанъ? Это говоритъ Франсуа, лакей графини де-Кудъ; барыня проситъ васъ немедленно пріѣхать по важному дѣлу. Нѣтъ, я не знаю, что случилось. Прикажете передать, что скоро будете?.. Слушаю-съ!“ И Павловичъ съ усмѣшкой повѣсилъ трубку.

„Тарзанъ будетъ тамъ черезъ полчаса“, — сказалъ Роковъ. — Если ты черезъ 15 минутъ будешь у германскаго посла, то черезъ 45 минутъ де-Кудъ вернется домой. Все зависитъ отъ того, задержится ли этотъ дуракъ еще на четверть часа у Ольги послѣ того, какъ узнаетъ, что она его не вызывала, я надѣюсь, что Ольга не отпуститъ его такъ скоро. Вотъ записка для де-Куда. Торопись!“

Черезъ 15 минутъ записка была въ рукахъ графа де-Кудъ. Прочтя ее, онъ поблѣднѣлъ, и рука его задрожала. Записка была слѣдующаго содержанія:

„Графъ де-Кудъ!

Лицо, желающее спасти Вашу честь, прибѣгаетъ къ этимъ строкамъ, чтобы предупредить Васъ, что въ этотъ же часъ нарушается святость Вашего семейнаго очага. Человѣкъ, въ теченіи

мѣсяца навѣщавшій Вашъ домъ, воспользовался Вашимъ отсутствіемъ и сейчасъ находится у Вашей жены. Если Вы немедленно вернетесь домой, то, вѣроятно, его еще тамъ застанете.

Другъ“.

Спустя 20 минутъ послѣ разговора по телефону Павловича съ Тарзаномъ, Роковъ позвонилъ сестрѣ. Ея камеристка отвѣтила, что графиня подойти не можетъ, т. к. уже легла.

— Поднимите ее, — сказалъ Роковъ. — Графиня должна лично выслушать очень срочное сообщеніе. Пусть она накинетъ что-нибудь на себя и подойдетъ къ телефону. Я позвоню снова черезъ пять минутъ. — И онъ повѣсилъ трубку. Вскорѣ вернулся Павловичъ.

— Доставилъ записку? — спросилъ Роковъ.

— Графъ уже навѣрно подъѣзжаетъ къ дому, — отвѣтилъ Павловичъ.

— Отлично. Сестра сидитъ сейчасъ въ своемъ будуарѣ въ глубокомъ неглиже. Черезъ минуточку преданный Жакъ проведетъ къ ней monsieur Тарзана безъ предварительнаго доклада. Удивленіе и объясненіе отнимутъ только нѣсколько минутъ. У Ольги будетъ въ кружевномъ капотѣ очень соблазнительный видъ. Она будетъ изумлена, но не недовольна. И если въ этомъ Тарзанъ есть хоть капля крови, то графъ, приблизительно черезъ пятнадцать минутъ, наткнется на довольно игривую картину; а онъ, кстати, одинъ изъ лучшихъ фехтовальщиковъ въ Парижѣ, да и стрѣлокъ не хуже.

Когда Тарзанъ добрался до отеля де-Кудъ, „преданный“ Жакъ дождался его у входа.

— Сюда, пожалуйста, — сказалъ онъ и повелъ Тарзана по широкой мраморной лѣстницѣ. Черезъ минуту онъ открылъ дверь, раздвинувъ тяжелую портьеру, съ подобострастнымъ поклономъ впустилъ Тарзана въ слабо освѣщенные покои, а самъ исчезъ.

Тарзанъ увидѣлъ въ слѣдующей комнатѣ Ольгу. Она сидѣла у маленькаго стола, на которомъ стоялъ телефонъ. Ольга нетерпѣливо барабанила пальцами по лакированной поверхности стола.

„Графиня, — сказалъ онъ, — что случилось?“

Она вскрикнула отъ неожиданности и повернулась.

„Monsieur Тарзанъ! Какъ вы здѣсь очутились? Кто васъ пустилъ? Что это значитъ?“

Пріемъ оказанный ему, какъ громомъ, поразилъ Тарзана, но черезъ секунду онъ уже уяснилъ себѣ часть истины.

— Значить, вы не послали за мною?

„Посылала за вами? Я? Въ этотъ часъ ночи? Боже мой, вы думаете, я совсѣмъ съ ума сошла?“

„Франсуа телефонировалъ мнѣ, чтобы я немедленно пріѣхалъ. Что я очень нуженъ.“

„Франсуа? У меня нѣтъ никакого Франсуа? Кто-то подшутилъ надъ вами“, засмѣялась Ольга.

„Графиня, я боюсь, какъ бы это не оказалась злая шутка, — возразилъ Тарзанъ. — Коварства здѣсь больше, чѣмъ юмора“.

„Что вы хотите сказать? Неужели вы думаете, что...“

„Гдѣ графъ?“ — прервалъ онъ ее.

„На раутѣ въ греманскомъ посольствѣ“.

„Это несомнѣнно новая продѣлка вашего брата. Завтра графу станетъ извѣстенъ мой визитъ. Онъ начнетъ спрашивать прислугу. Все это создастъ картину того, что Рокову и хотѣлось бы внушить графу“.

„Негодяй!“ — воскликнула Ольга. Она встала, близко подошла къ Тарзану и заглянула ему въ лицо. Она была очень испугана. Она дрожала и, чувствуя, что почва колеблется подъ нею, положила руки на его широкія плечи. Въ ея взглядѣ и позѣ краснорѣчиво звучалъ вѣковѣчный призывъ беззащитной женщины къ ея естественному покровителю — мужчине. Тарзанъ взялъ въ свою сильную руку одну изъ маленькихъ, теплыхъ ручекъ, лежавшихъ у него на плечахъ. Онъ сдѣлалъ это, не думая, и съ тѣмъ же безсознательнымъ инстинктомъ покровительства обвилъ ея плечи своею другой мужественной рукой.

Эффектъ получился разительный. Онъ раньше никогда не касался ея такъ близко. Виновато вздрогнувъ, оба внезапно заглянули другъ другу въ глаза. Ольга де-Кудъ, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть его, ближе прильнула къ нему и сама обхватила его шею руками. Что было дѣлать Тарзану? Своими могучими руками онъ обвилъ трепещущую жен-

щину и осыпалъ горячія уста ея поцѣлуями.

Рауль де-Кудъ, прочитавъ записку, врученную ему дворецкимъ въ германскомъ посольствѣ, поспѣшно извинился передъ хозяиномъ дома. Онъ былъ, какъ въ туманѣ до той самой минуты, когда онъ очутился у подъѣзда своего дома. Тутъ къ нему вернулось хладнокровіе, и движенія его сдѣлались спокойными и осторожными. По совершенно необъяснимой причинѣ лакей Жакъ распахнулъ передъ нимъ дверь, когда онъ только поднимался еще на ступеньки подъѣзда. Въ ту минуту это не поразило его, но впоследствии онъ это обстоятельство припомнилъ.

Безшумно, на цыпочкахъ поднялся онъ по лѣстницѣ и прошелъ черезъ галерею до дверей будуара своей жены. Въ рукѣ онъ держалъ тяжелую трость, а въ сердцѣ у него залегло убійство. Ольга первая увидѣла его. Охваченная ужасомъ, она вырвалась изъ объятий Тарзана, а тотъ повернулся какъ разъ вовремя, чтобы отвести рукою страшный ударъ, направленный графомъ въ его голову. Тяжелая трость съ быстротою молнии опустилась три раза на руку Тарзана, которою онъ прикрывалъ свою голову и съ каждымъ ударомъ въ челоуѣкъ обезьянѣ все болѣе и болѣе пробуждался первобытный звѣрь.

Съ тихимъ гортаннымъ хрипомъ бросившись на француза, Тарзанъ вырвалъ толстую палку изъ его руля, переломилъ ее пополамъ, какъ спичку, и швырнулъ въ сторону. Потомъ, какъ бѣшеный звѣрь виѣпился въ горло своего противника. Ольга де-Кудъ, оправившись отъ перваго потрясенія, бросилась къ Тарзану и закричала, хватая его за руки:

„Вы убьете его, вы убьете его! Опомнитесь! вы убиваете моего мужа!“

Вдругъ онъ швырнулъ графа лицомъ на полъ и, поднявъ голову, поставилъ ногу на его спину. И тутъ по всему отелю загремѣлъ ужасающій вопль обезьяны, возвѣщающей объ одержанной побѣдѣ. На этотъ страшный вопль со всего дома, отъ погреба до чердака, сбѣжались слуги, побѣлѣвшіе и дрожащіе отъ испуга. Ольга упала на колѣни у тѣла своего мужа и начала молиться.

Кровавый туманъ медленно разсѣивался передъ глазами Тарзана. Онъ

сталъ различать опять предметы; онъ снова видѣлъ глазами культурнаго существа. Его взглядъ упалъ на колѣнопреклоненную женщину.

„Графиня“, — прошептала она. Она приподняла голову, ожидая увидѣть отблескъ безумія убійцы. Но вмѣсто того прочла въ его глазахъ скорбь и раскаяніе.

„Посмотрите, что вы сдѣлали, — воскликнула она. — Я любила его! Вы его убили!“

Тарзанъ бережно поднялъ рыхлое тѣло графа де-Куда и перенесъ его на диванъ. Затѣмъ приложилъ ухо къ его груди.

„Дайте рюмку коньяку“, — сказала она.

Ольга принесла коньякъ и вдвоемъ они съ усиленіемъ влили напитокъ въ ротъ графу. Слабый вздохъ вырвался изъ побѣлѣвшихъ губъ его. Графъ де-Кудъ повернулъ голову и застоналъ.

„Онъ будетъ живъ! Слава Богу!“ — сказалъ Тарзанъ.

„Зачѣмъ вы это сдѣлали, Тарзанъ?“ — сказала она.

„Не знаю. Онъ ударилъ меня, и я обезумѣлъ. Я поступилъ такъ, какъ поступали въ такихъ случаяхъ обезьяны моей породы. Графиня, я никогда не рассказывалъ вамъ о моемъ прошломъ. Если бы вы раньше знали мою жизнь, — было бы лучше и этого не случилось бы. Я никогда не видѣлъ своего отца. Единственная мать, которую я когда-либо зналъ, — была свирѣпая обезьяна. Въ двадцать лѣтъ я впервые увидалъ бѣлолицаго человѣка. Съ лишнимъ годъ назадъ я былъ еще голымъ хищнымъ животнымъ въ джунгляхъ Африки. Не судите меня слишкомъ сурово. Два года — недостаточно долгій срокъ, чтобы отдѣльный индивидъ могъ догнать въ теченіи его человѣчество, достигшее нынѣшняго своего уровня тысячелѣтіями.“

„Я не осуждаю васъ. Я одна виновата. Теперь уходите. Онъ не долженъ увидѣть васъ здѣсь, когда онъ придетъ въ сознаніе. Прощайте.“

Тарзанъ вышелъ изъ отеля де-Куда съ поникшей головой, терзаемый раскаяніемъ.

Когда онъ очутился на улицѣ, онъ принялъ опредѣленное рѣшеніе и черезъ двадцать минутъ онъ входилъ уже въ

полицейскій участокъ по близости отъ улицы Мольте. Онъ скоро нашелъ здѣсь одного изъ агентовъ, съ которымъ онъ имѣлъ столкновеніе въ домѣ на улицѣ Мольте. Агентъ искренно ему обрадовался. Старые счеты были забыты. Послѣ минутной бесѣды Тарзанъ спросилъ его, слышалъ ли онъ когда-либо про Николая Рокова и Алексѣя Павловича.

„Очень много. О каждомъ изъ нихъ имѣется у насъ дѣло. Въ случаѣ чего мы можемъ очень легко разыскать ихъ. А почему они васъ интересуютъ?“

„Я знаю ихъ, — отвѣтилъ Тарзанъ. — Мнѣ надо повидать Рокова по дѣлу. Если бы вы могли указать мнѣ его адресъ, вы мнѣ сдѣлали бы большое одолженіе.“

Черезъ нѣсколько минутъ Тарзанъ вышелъ изъ префектуры въ адресомъ Рокова въ карманѣ.

Роковъ и Павловичъ настолько были увѣрены въ благопріятномъ для нихъ исходѣ подготовленныхъ ими событій, что они позвонили по телефону въ двѣ газеты и съ минуты на минуту ждали репортеровъ, чтобы дать имъ матеріалъ о скандалѣ, который долженъ былъ взбудоражить на завтра „весь Парижъ“.

Полѣстницѣ раздались тяжелые шаги. „А эти журналисты аккуратные ребята! — воскликнулъ Роковъ, и на стукъ въ дверь ихъ комнаты сказалъ: — Войдите.“

Улыбка привѣтствія застыла на лицѣ Рокова, при видѣ суровыхъ, сѣрыхъ глазъ ночного гостя.

„Чортъ возьми! — крикнулъ онъ, вскочивъ. — Что вамъ здѣсь нужно?“

„Садитесь!“ — сказалъ Тарзанъ такъ тихо, что они едва уловили его слова, но такимъ тономъ, что Роковъ опустилсѣ на стулъ, а Павловичъ, уже сидѣвшій, приросъ къ своему.

„Вы знаете, зачѣмъ я здѣсь, — продолжалъ Тарзанъ тѣмъ же тихимъ голосомъ. — Собственно, чтобы убить васъ, но такъ какъ вы — братъ графини де-Кудъ, то я не сдѣлаю этого — въ настоящую минуту. Я даю вамъ случай спасти вашу жизнь. Павловичъ не идетъ въ счетъ: — онъ просто глупое, бессмысленное орудіе въ вашихъ рукахъ, и потому я не убью его раньше, чѣмъ васъ. Но если вы хотите уцѣлѣть сейчасъ, здѣсь, въ этой комнатѣ, исполните два условія.

Первое: вы потрудитесь написать сейчас же подробное показаніе о вашей роли въ сегодняшнемъ заговорѣ — и подпишете его. Второе: подъ угрозой смертной казни вы должны мнѣ обѣщать, что ни одно слово объ этой исторіи не попадетъ въ газеты. Если вы не выполните этихъ условій, то, уходя изъ этой комнаты, я перешагну черезъ ваши трупы. Поняли? И, не дожидаясь отвѣта, Тарзанъ прибавилъ: — Поторопитесь! Вотъ передъ вами чернила, бумага и перо“.

Роковъ напустилъ на себя свирѣпый видъ и попробовалъ что-то возразить. Черезъ минуту онъ почувствовалъ стальные пальцы на своей шеѣ, а Павловичъ, пытавшійся выбѣжать изъ комнаты, взлетѣлъ на воздухъ и, какъ мѣшокъ, упалъ на полъ въ углу. Когда лицо Рокова уже почернѣло, Тарзанъ ослабилъ свой нажимъ и толкнулъ негодя на стулъ. Откашливаясь, Роковъ мрачно глядѣлъ на человѣка, стоявшаго противъ него. Павловичъ пришелъ въ себя и съ трудомъ проковылялъ къ мѣсту, которое ему указалъ Тарзанъ.

„Ну пишите!“—приказалъ онъ. Роковъ взялъ перо и началъ писать.

„Прошу васъ не упустить ни одной подробности и называть полностью всѣ имена“, — предусмотрительно сказалъ Тарзанъ.

Тутъ послышался стукъ въ дверь.

Вошелъ вертлявый хорошо одѣтый молодой человѣкъ.

„Я отъ редакціи „Matin“,—сказалъ онъ,—мнѣ сообщили, что г. Роковъ можетъ дать интересную информацію“.

„Вы ошиблись, мосье, — сказалъ Тарзанъ. — У васъ вѣдь, ничего нѣтъ для печати? Не такъ ли, Николай?“

Роковъ угрюмо покачалъ головой.

„Нѣтъ,—буркнулъ онъ,—я не имѣю никакой информаціи для печати... въ настоящую минуту“.

„И никогда не будетъ, мой дорогой Николай“,—прибавилъ Тарзанъ.

Репортеру не видѣнъ былъ зловѣщій блескъ его глазъ, но отъ Рокова онъ не укрылся.

„И никогда не будетъ“,—поспѣшно повторилъ Роковъ.

„Очень жаль, что вы напрасно побезпокоились,—сказалъ Тарзанъ, обратившись къ журналисту. — Позвольте вамъ пожелать всего всего хорошаго“. И онъ

выпроводилъ молодого человѣка за дверь.

Спустя часъ, Тарзанъ, съ довольно увѣсистой рукописью въ карманѣ пальто, открылъ дверь, ведущую изъ комнаты Рокова.

„На вашемъ мѣстѣ я уѣхалъ бы изъ Франціи,—сказалъ онъ,—потому что рано или поздно я найду способъ убить васъ, не скомпрометировавъ вашу семью“.

Глава VI.

Дуэль.

Д'Арно уже спалъ, когда Тарзанъ возвратился отъ Рокова. Не желая будить его, онъ лишь на слѣдующее утро рассказалъ ему всѣ подробности минувшей ночи.

„Какъ безумно я поступилъ, — закончилъ Тарзанъ свой рассказъ,—вѣдь де-Кудъ и его жена оба были моими друзьями, я же отблагодарилъ тѣмъ, что едва не убилъ графа и, запятнавъ имя порядочной женщины, нарушилъ, вѣроятно, ихъ семейный покой“.

„Ты любишь графиню?“ — спросилъ Д'Арно.

Послѣ незначительной паузы Тарзанъ рѣшительно отвѣтилъ: „Если бы я не былъ увѣренъ, что она не любитъ меня, я не смогъ-бы отвѣтить такъ просто, на твой вопросъ, но такъ какъ этого нѣтъ, то, небудучи не деликантнымъ, я скажу, что мы не любимъ другъ друга. Правда, на секунду сегодня нами овладѣло безуміе, но это не была любовь, и мы съ такой же быстротой, съ какой оно насъ охватило, освободились бы отъ него, даже въ томъ случаѣ, если бы не вернулся такъ неожиданно графъ. Какъ тебѣ извѣстно, я неопытенъ въ отношеніяхъ съ женщинами. Графиня очень красива, это обстоятельство, а также полумракъ, заманчивая обстановка нашего ночного свиданія и обращеніе къ моей защитѣ со стороны слабой женщины — все это могло бы ввести въ искушеніе и болѣе цивилизованнаго человѣка; моя же цивилизація не глубока, и, если можно такъ выразиться, ограничивается лишь моимъ костюмомъ. Я не гожусь для Парижа: въ немъ, среди цивилизованныхъ людей съ ихъ выдуманнми правилами приличій, я постоянно чувствую себя стѣсненнымъ, и, т. к. мнѣ это дѣлается уже невыносимымъ, то самое лучшее для меня—

вернуться въ джунгли и вести тамъ жизнь, предназначенную мнѣ Богомъ“.

„Не принимай это такъ близко къ сердцу, Тарзанъ,—возразилъ д'Арно.— Большинство „цивилизованныхъ“ людей, при такихъ же обстоятельствахъ, поступило бы еще хуже. Что же касается до твоего желанія покинуть Парижъ, то, думаю, въ этомъ вопросѣ послѣднее слово принадлежитъ Раулю де-Кудъ, который, по всей вѣроятности, не замедлитъ потребовать отъ тебя объясненій“.

И д'Арно не ошибся. Нѣсколько дней спустя, въ 11 ч. утра, когда д'Арно и Тарзанъ сидѣли за завтракомъ, лакей доложилъ о нѣкоемъ Флоберѣ, который въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ передалъ Тарзану отъ имени графа де-Кудъ вызовъ на дуэль и просилъ его назначить со своей стороны секунданта. Тарзанъ назвалъ лейтенанта д'Арно, и было рѣшено, что д'Арно пойдетъ къ Флоберу въ тотъ-же день въ 2 часа. Когда они остались опять одни, Тарзанъ сказалъ:

„Итакъ, къ своимъ грѣхамъ я прибавлю еще убійство или буду убить самъ! Я, повидимому, цивилизуюсь и иду быстрыми шагами къ прогрессу по стопамъ моихъ культурныхъ братьевъ“.

„Какое оружіе ты думаешь избрать?—спросилъ д'Арно.— Имѣй въ виду, что де-Кудъ прекрасно владѣетъ шпагой и считается лучшимъ стрѣлкомъ“.

„Въ такомъ случаѣ мнѣ слѣдовало бы избрать отравленныя стрѣлы на разстояніи 20 шаговъ или копья на той же дистанціи,—разсмѣялся Тарзанъ.— Назначимъ пистолеты“.

„Онъ убьетъ тебя, Жанъ“.

„Я не сомнѣваюсь въ этомъ, но когда-нибудь вѣдь все равно придется умереть“.

„Выбери лучше шпаги, при которыхъ менѣе вѣроятенъ смертельный исходъ, и де-Кудъ удовольствуется только тѣмъ, что ранитъ тебя“.

„Остановимся на пистолетахъ!“—рѣшительно сказалъ Тарзанъ.

Д'Арно старался переубѣдить его, но безуспѣшно. Приблизительно черезъ часъ онъ вернулся отъ Флобера.

„Обо всемъ столковались,—сказалъ онъ,— поединокъ назначенъ завтра на разсвѣтѣ, недалеко отъ Этампа. По какимъ-то личнымъ соображеніямъ

Флоберъ предпочелъ именно это мѣсто, и я не возражалъ“.

„Хорошо“—отвѣтилъ Тарзанъ, и болѣе не возвращался къ этой темѣ. Вечеромъ, прежде чѣмъ лечь спать онъ написалъ нѣсколько писемъ, которыя запечаталъ въ одинъ общій конвертъ на имя д'Арно.

Д'Арно слышалъ, какъ Тарзанъ, раздѣваясь напѣвалъ модную пѣсенку. Д'Арно тихо выругался, удивленный беззаботностью Тарзана. Лично онъ былъ увѣренъ, что пріятель будетъ убитъ.

„Вотъ ужъ выбрали самый пролетарскій часъ“,—замѣтилъ Тарзанъ, когда ему пришлось покинуть удобную постель во мракѣ ранняго утра. Замѣчаніе относилось къ д'Арно, стоявшему совершенно одѣтымъ у дверей спальни Тарзана.

Д'Арно почти не сомкнулъ глазъ всю ночь. Онъ нервничалъ и замѣтилъ съ раздраженіемъ.

„Ты, конечно, спалъ всю ночь, какъ младенецъ!“—сказалъ онъ. ;

Тарзанъ засмѣялся.

„Изъ твоего тона я заключаю,—сказалъ онъ,—что ты ставишь мнѣ это въ минусъ?“

„Не въ томъ дѣло,—самъ улыбаясь, возразилъ д'Арно.— Но ты относишься ко всей этой исторіи съ такимъ дявольскимъ равнодушіемъ. Есть отъ чего прійти въ отчаянье. Можно подумать, что тебѣ предстоитъ прогулка съ заходомъ въ тиръ, а не дуэль съ однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ во Франціи“.

Тарзанъ пожалъ плечами.

„Я иду искупить большую обиду. Весьма необходимымъ элементомъ этого искупленія является мастерство моего противника. Почему же я долженъ быть недовольнымъ? Вѣдь ты же мнѣ самъ сказалъ, что графъ де-Кудъ великолѣпный стрѣлокъ?“

„Ты хочешь сказать, что ты надѣешься быть убитымъ?“—съ ужасомъ воскликнулъ д'Арно.

„Я не могу сказать, что я надѣюсь на это, но нѣтъ никакого резона думать, что я не буду убитъ“.

Если бы д'Арно зналъ, какія мысли зашевелились въ мозгу Тарзана съ того самаго момента, когда онъ узналъ, что де-Кудъ можетъ вызвать его на дуэль, онъ пришелъ бы въ еще большій ужасъ.

Безмолвно усѣлись они въ большой автомобиль д'Арно и молча понеслись по темной дорогѣ, ведущей въ Этампъ. Каждого занимали его собственные мысли. Д'Арно былъ очень грустно настроенъ. Онъ искренно любилъ Тарзана. Прочная дружба, завязавшаяся между этими двумя людьми, такого различнаго воспитанія и образа жизни, только окрѣпла отъ ихъ общенія. Оба они были людьми, которымъ съ одинаковой силой импонировали высокіе идеалы мужества, личной храбрости и чести. Они понимали другъ друга, и каждый изъ нихъ гордился дружбой другого.

Тарзанъ погрузился въ мысли о прошломъ, о счастливыхъ дняхъ своей жизни въ джунгляхъ, о безсчетныхъ часахъ своего дѣтства, проведенныхъ на столѣ въ хижинѣ своего умершаго отца, гдѣ онъ сидѣлъ, поджавши ноги, наклонившись своимъ маленькимъ смуглымъ тѣломъ надъ плѣнительной книгой съ картинками, изъ которой онъ собственнымъ умомъ позналъ тайну печатнаго языка гораздо раньше, чѣмъ звуки человѣческой рѣчи коснулись его слуха. По его лицу скользнула улыбка удовольствія, когда онъ вспомнилъ незабвенный день, проведенный имъ наединѣ съ Джэнь Портеръ въ самой глубинѣ дѣвственнаго лѣса.

Нить его воспоминаній была прервана остановкой мотора. Они прибыли къ мѣсту. И Тарзанъ вернулся къ дѣйствительности. Онъ зналъ, что смерть вѣется вокругъ него, но страха смерти въ немъ не было. Для обитателя суровыхъ джунглей смерть — заурядное явленіе. Законъ природы заставляетъ ихъ цѣпляться за жизнь, бороться за нее, но онъ не учитъ ихъ бояться смерти.

Д'Арно и Тарзанъ первыми прибыли на мѣсто поединка. Минуту спустя, явились де-Кудъ, Флоберъ и докторъ.

Секунданты поставили противниковъ на позицію по условію дуэли, послѣдніе должны были стать спиной другъ къ другу, затѣмъ, по командѣ, разойтись на 10 шаговъ, повернуться и стрѣлять до 3-хъ разъ.

„Господа, вы готовы?“ — спросилъ Флоберъ.

„Вполнѣ“, — отвѣтилъ де-Кудъ.

Тарзанъ кивнулъ головой. Флоберъ подалъ знакъ. Онъ и д'Арно отошли на нѣсколько шаговъ въ сторону, за линію бострѣла. Противники медленно двинулись, каждый въ свою сторону.

„Шесть. Семь. Восемь“. — На глазахъ д'Арно навернулись слезы. Онъ такъ любилъ Тарзана. — Девять. — Еще шагъ, и бѣдный лейтенантъ, съ тяжелымъ сердцемъ, подалъ сигналъ. Для него этотъ сигналъ прозвучалъ, какъ смертный приговоръ надъ его лучшимъ другомъ.

Де-Кудъ быстро повернулся и выстрѣлилъ. Тарзанъ слегка подскочилъ, его пистолетъ все еще висѣлъ въ вытянутой внизъ рукѣ. Де-Кудъ колебался точно въ ожиданіи, что его противникъ вотъ-вотъ грохнется на землю. Французъ былъ слишкомъ хорошимъ стрѣлкомъ, чтобы не сомнѣваться, что онъ попалъ въ Тарзана. Послѣдній, однако, не падалъ и не дѣлалъ движенія, чтобы поднятъ кверху пистолетъ. Де-Кудъ снова выстрѣлилъ, но поза Тарзана не измѣнилась. На лицѣ его было написано сверхравнодушіе. Онъ ровно и непринужденно попыхивалъ папиросой. Лучшій стрѣлокъ Франціи не зналъ, что ему думать. На этотъ разъ Тарзанъ не подскочилъ, но де-Кудъ зналъ опять, что онъ не промахнулся.

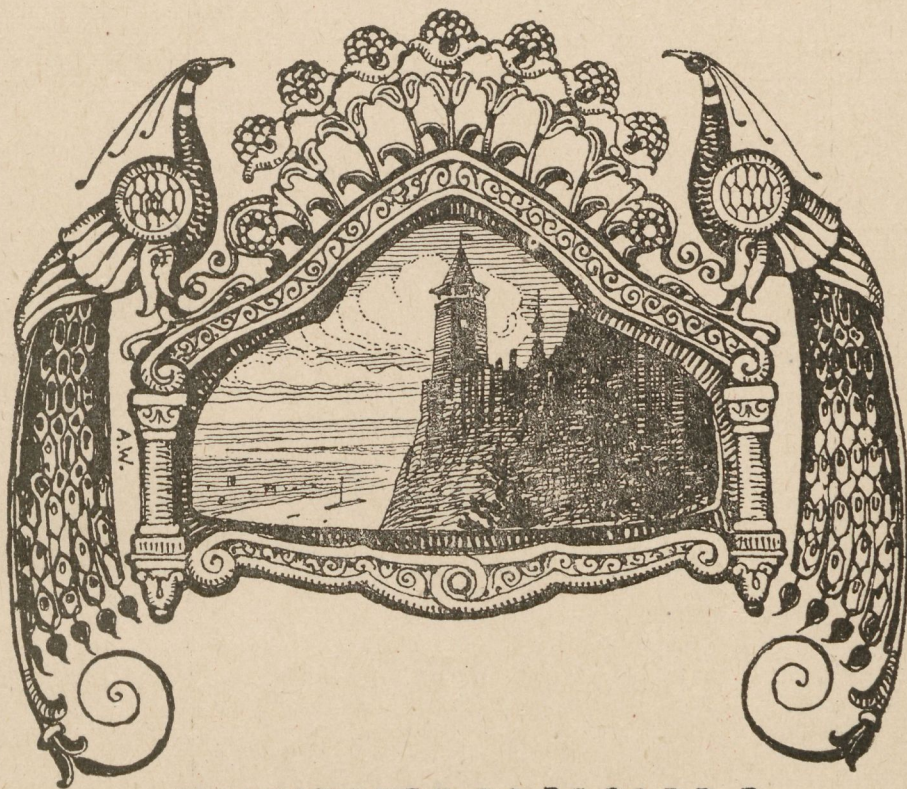
Вдругъ его осягнуло. Онъ понялъ адскій планъ Тарзана. Тарзанъ рѣшилъ хладнокровно пойти навстрѣчу этимъ ужаснымъ тремъ выстрѣламъ, тремъ шансамъ на смерть, въ надеждѣ, что, можетъ быть, ни одинъ изъ трехъ выстрѣловъ де-Куда не сойдетъ его съ ногъ. А тогда ужъ онъ, имѣя въ запасѣ три выстрѣла, не торопясь, обдуманно, спокойно, хладнокровно разстрѣляетъ де-Куда. Легкая дрожь пробѣжала по спинѣ француза. Въ этомъ было что-то дьявольское. Что же это за созданіе, которое можетъ благодушно стоять съ двумя пулями въ груди и спокойно дожидаться третьей?

На этотъ разъ де-Кудъ тщательно прицѣлился, но нервы ему измѣнили, и онъ промахнулся. Тарзанъ все еще не поднималъ пистолета.

Продолженіе слѣдуетъ.

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Dum spiro, spero... — Обыденный. — Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Сильнѣе женщины. — Каменя. — Сердце народа. — Лицо жизни. — Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконость“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна **165** мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Іоакимстальская, № 2, типографія „Эркъ“, за пересылку не платятъ.

ТИПОГРАФІА И ПЕРЕПЛЕТНАЯ

„ERK”

❖ TALLINN, Suur Juhkentali tänav Nr. 2 ❖

Телефонъ

25-11

Kõnetraat

25-11

TRÜKIKODA
RAAMATUKÖITE

BUCHDRUCKEREI
BUCHBINDEREI